

О. Г. УСЕНКО

**ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО
ПРОТЕСТА В
РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ**

Часть 2

Тверь 1995
[обложка]

**Государственный комитет Российской Федерации
по высшему образованию**

Тверской государственный университет

О. Г. УСЕНКО

**ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА
В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ**

Часть 2

Пособие для учителей истории средней школы

Тверь 1995

[с. 1]

В пособии характеризуются особенности народного сознания в России XVII–XVIII вв., рассматриваются спорные и нерешённые вопросы истории народных выступлений, анализируются культурные и психологические механизмы социального протеста. Пособие содержит богатый фактический материал по истории религиозно-общественных движений, крестьянских войн и самозванчества в XVII–XVIII вв.

Печатается по решению кафедры отечественной истории исторического факультета Тверского государственного университета.

Усенко Олег Григорьевич

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ XVII–XVIII ВЕКОВ

Часть 2

Пособие для учителей истории средней школы

ЛЕКЦИЯ 3. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МЕХАНИЗМАХ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ XVII–XVIII вв.

Как известно, глубинными причинами народных выступлений в России XVII–XVIII вв. были процессы усиления феодального гнёта – государственного, церковного, помещичьего. Однако понятие “гнёт” не тождественно понятию “эксплуатация”. Последняя – чисто экономическая категория, которая обозначает регулярное изъятие части прибавочного продукта у непосредственных производителей. В то же время семантика “гнёта” включает психологические оценочный момент – осознание этой самой эксплуатации и чувство недовольства ею. “Усиление гнёта” могло происходить и при сохранении прежнего уровня эксплуатации. Всё дело в том, насколько этот уровень выглядел в глазах трудящихся терпимым, нормальным, насколько безусловным был для них сам факт эксплуатации.

Чувство протеста против феодального гнёта, по всей видимости, рождалось вслед за осознанием и переживанием нестерпимости данного вида или уровня эксплуатации. Причины такого психологического сдвига могли быть разными.

Во-первых, такой причиной могло быть усиление чувства личного достоинства, изменение в характере самосознания индивида (см.: Гутнова. С. 287). Человек, находящийся в феодальной зависимости, вдруг переставал воспринимать эту зависимость как нечто неизбежное, данное, начинал понимать, что по сути он ничем не хуже своего господина. Это открытие могло быть вызвано получением большей независимости от феодала (например, переводом с барщины на оброк) или постоянными “отходами” на заработки (см.: Сахаров, 1966. С. 216–217; Плющевский. С. 174). Повышение самооценки происходило и по мере роста благосостояния крестьян, оказываясь результатом их успехов в торговле и предпринимательстве (см.: Козлова. С. 60–61). Другими словами, неумение феодалов хозяйствовать часто приводило к тому, что некоторые, наиболее состоятельные крестьяне начинали ставить себя вровень с господами, а то и выше их.

Наконец, большую роль в развитии самосознания феодально-зависимых людей могло играть получение ими образования, знакомство с миром науки, литературы, искусства.

Нетрудно заметить, что описанные варианты личностного развития вряд ли могли быть массовыми и характерными для всех слоёв трудового населения России в XVII–XVIII вв. Так что видеть здесь психологическую подоплёку восстаний и крестьянских войн не стоит.

Кроме того, усиление чувства личного достоинства приводило к тому, что человек внутренне обособлялся от своего социального окружения – соседей, односельчан, братьев по посаду, а также от своего сословия в целом. В итоге рождался индивидуальный, единичный протест против феодального гнёта. Этот протест мог быть пассивным (побег, уход в монастырь) или активным (убийство господина, уход в разбойники). Он мог последовательно перейти из одной формы в другую, но в любом случае отсутствовала поддержка со стороны широких масс населения.

Отсюда следует, что психологические причины массовых народных выступлений нужно искать в той сфере, где индивидуальное сознание пересекается с коллективным.

В литературе неоднократно отмечалось, что массовые народные выступления в России XVII–XVIII вв. чаще всего начинались тогда, когда резко нарушался привычный уклад жизни трудящихся или же менялся их социальный статус. Первичной ячейкой социального протеста была община – сельская, посадская, казачья. В каких же случаях члены данной общины, поднимаясь на борьбу, сохраняли свою привычную организацию, выступали сообща, “заедино”? Очевидно, тогда, когда затрагивались интересы коллектива в целом.

Если все члены данной общины находятся в одинаковых отношениях эксплуатации, то их

совместное выступление возможно в трёх случаях: 1) когда характер эксплуатации (её вид или уровень) менялся так, что больше не соответствовал народным ожиданиям и привычкам, закреплённым в групповом сознании; 2) когда менялся не характер эксплуатации, а точка зрения трудящихся на неё и привычная система отношений господства–подчинения вдруг воспринималась как ненормальная и нестерпимая; 3) когда совпадали оба указанных варианта.

Примеры выступлений первого типа (связанных с изменением характера эксплуатации) содержит история крестьянских челобитий – чисто общинная форма коллективного протеста.

Говоря о России XVIII в., В. В. Мавродин пишет: "...К подаче челобитных относились как к большому, серьёзному, ответственному делу. Для выработки челобитных собирались всем "миром", избирали "лучших людей" из своей же среды. Искали грамотея и нередко сыскивали его среди самих крестьян. Собираясь "всем миром", "учиняли присягу", целовали крест, клялись друг друга не выдавать, "всем стоять за одно". Собирались мирские деньги, которые вручались челобитчикам. Челобитчики, особенно доверенные лица крестьянского мира, направлялись

в Москву или в Петербург" (Мавродин, 1988. С. 222).

Причины, толкавшие крестьян к подаче жалоб, изложены в самих челобитных. "Монастырские крестьяне жаловались на обременительные повинности, высокий оброк, на замену старых натуральных повинностей денежным оброком, на притеснение со стороны игуменов, жестокие телесные наказания. В челобитных на своих господ помещичьи крестьяне жаловались на тяжёлые барщинные работы, на произвол приказчиков, побои и притеснения. Приписные и заводские крестьяне жалуются на чрезвычайную эксплуатацию, снижение расценок, рост "уроков", расстройство и упадок их собственного хозяйства, на бедственное положение, переселение на заводы, насилие и произвол заводских властей. Часто в челобитных встречаются требования о возвращении к старому хозяину, ибо, как рассуждали крестьяне, если при старом жилось плохо, то уж от нового, как показывал опыт, лучшего нельзя было ждать" (Мавродин, 1988. С. 223).

Весьма часто изменение характера эксплуатации было вызвано переменами в правовом положении трудящихся, которые обретали новый социальный статус. В таких случаях выступления протеста далеко не всегда ограничивались челобитьем. Вспыхивали волнения, которые зачастую перерастали в бунты.

Взять, например, движение посессионных крестьян деревни Маскиной Темниковского уезда (1727–1731 гг.). В. В. Мавродин сообщает: "Деревня когда-то была дворцовой, затем стала собственностью князя Хилкова, а позже была у него куплена заводчиком Миляковым. Крестьяне наотрез отказались от заводской работы, многие разбежались. В 1727 г. они подали жалобу в Сенат, требуя возвращения деревни в число дворцовых.

Усмотрев в действиях жителей Маскиной "бунт и неповиновение", власти начали с ними расправу. Мирского челобитчика Родионова схватили и били батогами. Но крестьяне не смирились. Через два года "мир" вторично послал Родионова и еще трёх крестьян с челобитной на Милякова. Волнение крестьян переросло в восстание, в ход пошли "огненный бой" и "всякое дрекольё". Обе стороны – и восставшие, и усмирители – имели потери убитыми и ранеными. Но и "огненный бой" не смирил крестьян. В 1731 г. крестьяне Маскиной встретили воинскую команду хорошо подготовленными и вооружёнными. Деревня была окружена рогатками и завалами, стояли две чугунные пушки, в руках у крестьян были ружья, сабли, луки, рогатины, цепи, вилы, дубины. С большим трудом войскам и властям удалось подавить движение крестьян деревни Маскиной" (Мавродин, 1988. С. 255).

Сходным образом возникло и развивалось выступление крестьян Железоборовского монастыря, который в 1685 г. был приписан к Московскому Донскому монастырю. Как выяснила Н. А. Горская, “крестьяне Железоборовского монастыря находились в основном на оброке (денежном и натуральном) и до и после приписки... Однако размеры оброка от момента приписки к 90-м годам XVII в. возросли колоссально: денежные платежи с двора – более чем в 8 раз”. Немудрено, что крестьяне поднялись на борьбу, однако их лозунгом и главным требованием было возвращение самостоятельности Железоборовскому монастырю. В этой борьбе, участниками которой стали более тысячи крестьян, использовались как мирные методы (подача челобитных, отказ от работ в пользу Донского монастыря), так и насильственные методы: в 1698 г. были убиты 5 “воинских людей”, арестовавших зачинщиков движения (Горская. С. 28–29, 38–40).

В равной мере о сохранении своего социального статуса, своих традиционных прав и привилегий, заботились и казаки. Более всего казачество опасалось “регуляторства”, т. е. насаждения порядков регулярной армии. Стремление правительства (“бояр”) подчинить казачью “вольницу” наталкивалось на упорное сопротивление казаков, не раз и не два бравших в руки оружие. Недовольство потерей старинных “вольностей” и было той психологической почвой, на которой зарождались выступления казаков в XVII–XVIII вв.

Вспомним историю булавинского восстания. Как показали исследования, донские казаки были возмущены тем, что их ограничили в праве внешних сношений, поставили под надзор азовского губернатора, запретили строить на Дону городки без ведома Москвы, обязали почтовой службой, а также привлекали к строительству укреплений и к участию в Северной войне в составе регулярных войск. Однако наибольшее недовольство вызывали указы, запрещающие принимать беглых, и попытки правительства вернуть беглецов, укрывшихся на Дону (см.: Лебедев, 1934. С. 28–29, Чаев. С. 33–38, 47–49).

В 1772 г. вспыхнул бунт на Яике, а затем и на Дону. Причины их были одинаковы – ограничение казачьих прав и требования правительства, чтобы казаки выслали отряды в действующую армию. И на Яике, и на Дону выступления начались как открытое неповиновение властям. Казаки отказывались ехать в армию, послав жалобы императрице и дожидаясь на них ответа. Оправдание своим действиям бунтовщики видели в том, что на указах, присланных из Военной коллегии, не было подписи государыни. При этом казаки были уверены, что Екатерина II на их стороне, что притеснители казачества – это и её враги.

Таким образом, донские и яицкие казаки были настроены миролюбиво, предпочитая переговоры вооружённому конфликту. Однако действия властей (посылка карательных войск) заставили казаков прибегнуть к силе, и в результате простое волнение переросло в бунт (см.: Сватиков. С. 66; Мавродин, 1988. С. 296, 299–301; Рознер. С. 115–120).

Теперь следует оказать о выступлениях протеста, вызванных переоценкой привычного уровня эксплуатации.

Бывало так, что в глазах одних и тех же крестьян одни и те же феодальные повинности (объём которых не менялся) представляли как нормальные и ненормальные, как неизбежные и чрезмерные. Всё зависело от того, к какому сословному разряду приписывали крестьян или они причисляли себя сами.

Перевод государственных и дворцовых крестьян в помещичьи означал для них резкое падение по социальной лестнице, даже если повинности оставались прежними. Перевод же монастырских и частновладельческих крестьян в дворцовые (государственные) означал повышение социального статуса. В первом случае привычные обязанности вдруг

превращались в знак зависимого состояния. Во втором случае традиционные повинности сохраняли эту знаковую функцию, и потому крестьяне считали унижительным по-прежнему выполнять их.

Для конкретизации последнего вывода обратимся к истории борьбы псковских крестьян в вотчине графа Бестужева. В 1743 г. вотчина была конфискована и отписана на императрицу. Считая себя с этого момента государственными, крестьяне отказались уплатить свою задолженность графу. На усмирение крестьян была послана воинская команда, но это привело к тому, что волнение переросло в бунт. Две тысячи вооружённых крестьян вступили в бой с карателями. Только убитыми бунтовщики потеряли 55 человек (Мавродин, 1986. С. 241).

Итак, массовые выступления социального протеста в России XVII–XVIII вв. вспыхивали тогда, когда те или иные действия власть имущих воспринимались в народе как нарушение нормы, обычая, как непозволительное притеснение. В зависимости от того, сколько людей страдало при этом, интересы скольких социальных групп затрагивались действиями властей, рождались движения, различные по своему характеру и по количеству участников.

Можно заметить, что волнения и бунты чаще всего были выступлениями локального характера, были делом изолированных социальных коллективов и групп. Действительно, во время известных нам крестьянских выступлений жители соседних деревень (принадлежащих другому

помещику) оставались безучастными. Сходным образом донские казаки в 1772 г. не спешили поддержать бунтовщиков на Яике. Хотя оба выступления вспыхнули и развивались по одному сценарию, тем не менее остались автономными, не слившись в единый поток социального протеста,

Каковы же были условия, которые обеспечивали совместное, спаянное общей организацией выступление самых различных слоёв населения – крестьян, посадских людей, казаков, стрельцов? И каковы были мотивы людей, принимавших участие в наиболее массовых движениях – восстаниях и крестьянских войнах, сопряжённых с кровопролитием?

Начнём с ответа на второй вопрос. Попробуем логически определить те условия, которые делают возможным участие индивида в массовом выступлении социального протеста.

Во-первых, необходима “состыковка” целей движения со стремлениями индивида – потенциального участника выступления. Во-вторых, индивиду нужно иметь желание реализовать свои стремления, причём он должен не просто хотеть этого, у него не должно быть мыслей о том, чтобы сидеть сложа руки.

Указанные условия подразумевают личность, способную на самостоятельные решения, они рассчитаны на людей активных и целеустремлённых. Однако последних всегда было не очень много. Значит, пока мы можем понять психологию лишь тех людей, которые покидали свой дом, рвали со своим прошлым, присоединяясь к отрядам повстанцев и уходя с ними. Для остальных же, оставшихся на привычном месте, оба эти условия “работают” лишь вкупе с третьим – когда индивид убеждается, что в движении участвуют окружающие, все члены “родной” для него социальной группы (общины, посада и т. д.).

И всё же пока мы объяснили психологию людей, решивших принять участие в движениях мирного и локального характера. Участие в движении, сулящем опасности, обусловлено действием двух дополнительных факторов. В первую очередь индивиду нужно обладать способностью (или получить возможность) преодолеть страх – прежде всего страх перед опасностью и смертью, а также страх перед наказанием в случае неудачи выступления. Кроме того, каждый человек, принимающий участие в восстании, должен разрешить для себя противоречие между должным и сущим, между необходимостью следовать заповеди “Не убий!” и стремлением расправиться с угнетателями.

Итак, преодолению страха может помочь врождённая способность и приобретённый опыт. Разумеется, и то и другое есть не у каждого.

Этим, видимо, и объясняется тот факт, что живущих по принципу “моя хата с краю” было всегда больше, чем тех, кто своим девизом выбирал: “Если не я, то кто же?”.

Впрочем, ослабить чувство страха может и осознание поддержки окружающих, понимание того, что ты не один, что за тобой стоят другие. Не случайно до наших дней дожила поговорка “На миру и смерть красна”. Таким образом, уже сам факт организованности и коллективности народного выступления подталкивал его потенциальных участников к решительным действиям.

Однако у человека, ставящего перед собой цель и всеми силами стремящегося к этой цели, может быть страх особого рода. Возможно опасение, что цель не будет достигнута, что все старания окажутся напрасными. Другими словами, те, кто принимал участие в вооружённых выступлениях и шёл в этой борьбе до конца, обязаны были верить в успех своего предприятия. Стало быть, мы должны объяснить и психологические корни такой уверенности.

Как ни парадоксально, объяснение кроется в ответе на вопрос, каким образом десятки тысяч людей, искренне верящих в Бога, проливали кровь своих врагов, сознавая при этом, что грех душегубства – один из самых тяжких, каким образом они оправдывали себя.

На первый взгляд помощь в этом деле могли оказывать представители духовенства, примкнувшие к повстанцам. Однако священник отпускал лишь прошлые грехи и не мог выдать индульгенции на будущее, так сказать, “лицензии на убийство”. Значит, всё дело в том, что восставшие не считали греховным творить насилие по отношению к своим врагам. Те, кто зачислялся в категорию врагов, для повстанцев как бы выпадали из человеческого сообщества, оказывались вне закона. Аналогию такому взгляду можно найти в представлениях крестоносцев, которые были убеждены в том, что греховно лишь покушение на жизнь правоверного христианина, убийство же язычника, иноверца или еретика, наоборот, богоугодное дело.

Итак, если допустить, что восставшие в России XVII–XVIII вв. расценивали свои действия как богоугодные, а значит, совершенно справедливые и законные, тогда мы сможем объяснить и их оптимизм. Участники народных выступлений могли быть уверены в успехе потому, что зачисляли себе в союзники самого Бога, видели себя исполнителями Высшей воли. (Впрочем, эта самооценка не была очень устойчивой, она требовала постоянных подтверждений, рождаемых самим ходом выступлений – см. лекции 4, 7, 8).

В то же время убеждённости в богоугодном характере своих действий

снижала чувство страха у повстанцев, а кроме того, заставляла восставших смотреть на своих врагов совершенно определённым образом. Народные массы не могли сначала подняться на борьбу, а лишь затем, задним числом, оправдывать свои действия ссылками на волю Господа и рассуждениями о высшей справедливости. Нет, ещё до того, как начать вооружённое выступление, трудящиеся должны были поверить в его законность, богоугодность. Ещё до того, как вступить в вооружённый конфликт, трудящиеся должны были определить круг своих врагов – тех лиц, которых сам Господь велит покарать за преступления.

Можно утверждать, что предыстория всех восстаний и крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. включала стадию распространения в народе неких “чёрных списков”. Например, почву для “Медного бунта” 1662 г. подготовили слухи, будто “чернь де собираетца”.

Поводом же к выступлению послужило публичное чтение письма, вывешенного 25 июля на столбе у Сретенской площади: “а написано де в том письме изменниками боярина Илью Даниловича Милославского да окольных Ивана Михайловича Милославского да Фёдора Михайловича Ртищева да гостя Василья Шорина” (Восстание 1662 г. С. 39, 53).

Конкретный перечень врагов, составленный народной молвой, уже заранее был известен и зачинщикам восстаний 1648 г. в Москве и Устюге Великом (см.: ГВ. С. 56, 69, 78–79, 135, 144, 146, 153), стрелецкого “мятежа” 1682 г. (см.: Восстание 1682 г. С. 20, 36–37), а также С. Разину и его первым соратникам (см.: КВ. Т. 1. С. 235–236; Иностр. известия. С. 120).

Ответим теперь на поставленный ранее вопрос о факторах, порождавших совместные выступления самых различных слоёв трудящихся.

Для всех категорий угнетённого населения в России XVII–XVIII вв. наиболее тяжкие прегрешения, требующие кары, охватывались понятием “измена”. Это понятие применялось прежде всего для оценки деятельности власть имущих – придворных, местной администрации, феодалов, церковных иерархов, если те пренебрегали своими полномочиями или, наоборот, злоупотребляли ими. Комплекс представлений, связанных в народном сознании с этим понятием, включал в себя и готовность выступить с оружием против “изменников”. Таким образом, представители разных слоёв объединялись по негативному принципу – в борьбе с общими врагами.

Суть “измены”, в её народном понимании, можно изложить так: это преступление против Бога и православной веры, против личности монарха, а также нанесение ущерба интересам государства (“государевой

отчине”) и самих трудящихся.

Если кто-либо покушался на власть царя или Бога, а также на устои православия (опять-таки в народном понимании), то такая “измена” сразу поднимала массы на борьбу с оружием в руках (см. лекцию 4). Если же “измена” заключалась в том, что “всего-навсего” притеснялся народ, расхищалась казна, нарушались законы и т. д., то эти деяния не порождали немедленных ответных действий со стороны трудящихся. Точнее говоря, все эти преступления хотя и осуждались, однако не оценивались в народе как “измена” – но лишь до тех пор, пока не увязывались с угрозой непосредственно царю, Богу или православной вере.

Подкрепим сказанное примерами. Для участников “Соляного бунта” 1648 г. Б. И. Морозов, Л. С. Плещеев, П. Т. Траханиотов и Н. И. Чистый были “изменниками” потому, что превышали свои полномочия, посягнули на честь, доходы и прерогативы государя. Причём цель этих “насилий и неправд” жители Москвы усматривали в том, “чтобы верховную власть осмеять и оболгать”, чтобы настроить народ против царя, а царя – против народа. Конкретно в вину “кровопивцам” ставилось следующее: 1) ввели новые пошлыны и налоги; 2) требуют посулов, даров и взяток, безо всякой пощады ставят людей на правёж; 3) построили дома, которые не соответствуют их “чину”, т. е. приличиям, вытекающим из их социального положения “царёвых слуг”; 4) “получают своё полное жалованье и содержание, а великого князя казну и доходы уменьшают” (ГВ. С. 46–48).

Участники восстания в Курске (5 июля 1648 г.) видели “изменника” в Константине Теглеве, который занимал пост стрелецкого головы. Ненависть к нему была вызвана тем, что он производил сыск посадских людей и стрельцов, ушедших на монастырские земли. Но главное – он сам подтвердил своё “воровство”, выказав презрение к царской грамоте, отобравшей у него право сыска беглых (ГВ. С. 109, 113, 116–117, 124).

Почву для восстаний в Новгороде и Пскове (1650 г.) подготовили слухи, что шведы готовятся к войне с Россией и в сговор с ними вступила городская администрация, разрешившая купцам вывозить хлеб в Швецию. Кроме того, к “изменникам” причислялись

бояре из царского окружения во главе с Б. И. Морозовым (см.: Тихомиров. С. 53–54, 67–68, 145–147). Уже в ходе восстания к числу “изменников” был отнесён архиепископ новгородский Никон, будущий патриарх. Он был избит восставшими за то, что-де “хотел соборную церковь Софею Премудрость божию рушить и столпы ломать”, а также за то, что предал анафеме

всех участников выступления (Румянцева, 1986. С. 85–86).

Содержание слухов, циркулировавших накануне “Медного бунта” (1662 г.), дьячок Д. Филиппов изложил так: “чернь де собираетца и чают от них быть погрому боярина Ильи Даниловича Милославского да гостя Василья Шорина и иных богатых людей за измену в денежном деле...”. В народе были уверены, что медные деньги выпускаются без ведома царя, а это значит, что произошла узурпация одной из царских привилегий – права чеканить монету (Восстание 1662 г. С. 53).

Предыстория стрельцкого восстания в Москве 1682 г. является отличной иллюстрацией к выводу, что политика произвола со стороны власти пререждающих, а также их повседневное поведение оценивались как “измена” лишь тогда, когда, с точки зрения народа, они вдруг приставали в новом свете – как угроза высшим устоям общества.

Недовольство стрельцов, страдавших от “обид” со стороны полковников и их сановных покровителей, копилось, долго. Но факты притеснений были названы “изменой” лишь после того, как стрельцы в своих мучителях увидели участников заговора против царской семьи. Непосредственной причиной такого осмысления событий послужило возвышение партии Нарышкиных и возведение на престол младшего царевича – Петра в обход старшего – Ивана. Это было нарушением обычая, а значит, незаконным актом. Всякий, кто участвовал в этом беззаконии, воспринимался как “изменник” (см.: Буганов, 1969. С. 98, 107).

Впрочем, за рядом придворных был шлейф и других “измен”. Так, в перечне вин князя Г. Ромодановского указывалось на то, что он сдал врагу Чигирин с казною и гарнизоном, а также состоял в переписке с турками и крымцами. Посадские люди и стрельцы были убеждены, что по приказу А. С. Матвеева немецкий “дохтур” Данила готовил яд для царской семьи. Бояре же Нарышкины, считали москвичи, замыслили “злое дело” конкретно против царевича Ивана, и доказательством тому был слух, что они примеряли “его царского величества порфиру” (Восстание 1682 г. С. 37).

Таким образом, важность народных представлений об “измене”, их роль в истории социального протеста определялась двумя обстоятельствами. Во-первых, эти представления обеспечивали совместное, спаянное общей организацией выступление самых различных слоёв трудящихся. Во-вторых, эти представления способствовали падению авторитета угнетателей, преодолению страха перед властью имущими.

И всё-таки хотя падение авторитета угнетателей было неперенным условием борьбы с ними, чтобы эта борьба началась, обнаруженной

“измены” было мало. Нужна была ещё одна, последняя, капля, которая переполняла чашу народного терпения” Нужен был повод к выступлению. Причём такой повод, который был бы не только значимым для всех слоёв трудящихся, но и делал бы невозможным уход человека от активных действий, делал бы немислимым неучастие человека в движении социального протеста.

Забегая вперёд, скажем: дабы народное недовольство вылилось в борьбу угнетённых с угнетателями, нужно было, чтобы массы увидели не только законность, но и необходимость

выступления. А это было возможно лишь при получении высшей санкции на выступление – санкции Бога или монарха, точнее, при полной уверенности восставших в том, что эта санкция у них есть или обязательно будет получена (подробнее об этом будет сказано в лекциях 4, 7).

В России XVII–XVIII вв. массовые вооружённые выступления социального протеста были обязаны своим возникновением религиозно-царистским представлениям трудящихся. Эти представления помогали увидеть повод к выступлению. Однако нельзя считать, будто народные массы сознательно и целеустремлённо искали такой повод, уже имея в голове готовый план восстания. Нет, хотя повода и вдали, но его специально не искали и в этом смысле к выступлению заранее не готовились. Только этим можно объяснить долготерпение русского народа, который опозданием, не сразу откликнулся на увеличение эксплуатации и ограничение своих прав.

Подобная терпеливость русского народа во многом объясняется самой природой его религиозно-царистских представлений. Последние занимали в народном сознании центральное место, определяли ценностные ориентации представителей всех без исключения слоёв трудящихся. Соответственно эти же представления определяли и поведение людей в ходе выступлений социального протеста.

Приведём только один пример. Роль царистских воззрений особенно ярко проявилась в истории булавинского восстания 1707–1709 гг.

Летом и осенью 1707 г. на Дону и в соседних уездах начал распространяться слух, что Пётр I и его сын Алексей убиты заговорщиками, среди которых назывались “бояре”, “немцы” и “прибыльщики” (изобретатели налогов и откупщики). В этих условиях появление на Дону сыскаемого отряда Ю. В. Долгорукого было воспринято как доказательство того, что царя нет в живых, что власть в государстве захватили ненавистные “бояре”. Давно копившееся недовольство прорвалось наконец наружу, получив “законный”, с точки зрения казаков, выход. При этом важно отметить, что молве о смерти царя поверила и

часть казацких старшин во главе с бывшим войсковым атаманом Ильёй Зерщиковым. Они стали тайными союзниками восставших, убедив их в том, что войсковая администрация поддерживает стремление расправиться с “сыщиками” (см.: БВ. С. 162–163, 203–204, 261, 328, 362; Масловский. С. 150; ИА. С. 126; ПП. Ед. хр. 1165. Л. 1).

Восстание началось 8 октября 1707 г., но уже через 10 дней оно было подавлено. Это сделали сами же казаки во главе с войсковым атаманом. Дело в том, что не все на Дону поверили слуху. Именно поэтому в октябре 1707 г. у Булавина оказалось больше противников, чем сторонников. В конце концов и Зерщиков разуверился в гибели царя, поскольку в Черкасск пришли “именные” (с подписью Петра I) указы, которые доказывали, что государь жив. А раз так, восстание теряло смысл. Более того, его продолжение было бы теперь “изменой”.

Булавин и его соратники всего этого не знали до мая 1708 г., до взятия Черкасска. Они по-прежнему считали, что борьбу следует продолжать, правда, включили в число “изменников” и тех казаков, которые участвовали в карательных акциях против восставших. Когда же повстанцы вошли в Черкасск и ознакомились с “именными” царскими указами, они поняли, что слухи о гибели Петра были ложными. К. Булавин принял меры к тому, чтобы оправдаться перед царём: он посылает ему письма с предложениями остановить войска, посланные на усмирение Дона, и одновременно указывает казакам, чтобы они “под русские города не ходили” (см.: БВ, С. 131, 165, 189, 453–457, 461; СА. С. 110; ПиБ. Т. 7, вып. 1. С. 192–193; вып. 2. С. 651–652, 712–714; Кабинет. Л. 487, 523).

В конце мая 1706 г. Пётр получает первое такое письмо. Он готов поверить Булавину и отдаёт приказ прекратить наступление, если восставшие не будут активны. Приказ идёт почти

месяц. А в это время в Москву спешат курьеры с сообщениями о том, что булавинцы не прекращают военных действий против царских войск. Петра убеждают в том, что предложения казаков о мире – только хитрость, уловка. На самом же деле казаки были просто вынуждены защищать свои земли и дома, ибо у них не было уверенности, что царь их простит. Кроме того, К. Булавина подвела несовершенная система связи: слишком долго шли его распоряжения о прекращении стычек с царскими войсками. Наконец, удар с тыла нанёс казакам азовский губернатор. По его приказу из-под Черкаска отогнали конские табуны (2 июня 1706 г.). Как бы то ни было, Пётр отдаёт новый приказ – наступать (см.: БВ. С. 242, 266, 278, 282, 421, 426, 442; ПиБ. Т. 7, вып. 2. С. 189, 206).

Последний царский приказ руководители карательных отрядов получили

27 июня. Но к этому времени казаки уже расслабились, стали покидать свои позиции на границах области Войска Донского. Дело в том, что примерно 7 июня в Черкасск прибыл курьер со старым царским указом (от 6 апреля), в котором обещалось прощение всем казакам, за исключением Булавина “с товарищи”. Повстанцы решили, что их простили. Одни казаки, с разрешения Булавина, возвращались домой, другие готовились к походу на Азов. Действия азовского губернатора в новой ситуации воспринимались как “измена”, непокорство царской воле. Соответственно в глазах казаков поход на Азов был акцией в защиту чести и достоинства Петра I. Ещё больше они утвердились в этом мнении 25 июня, когда в Черкасске был прочитан “милостивый” царский указ (“казакам ничего не чинить, ежели от них ничево внофь не явится”). Казаки решили отблагодарить царя наказанием своевольного азовского губернатора (см.: БВ. С. 274, 278, 285; ПиБ. Т. 7, вып. 2. С. 821–822).

Однако 28 июня 1708 г. через оголённые границы Дона с разных сторон двинулись карательные войска. Души повстанцев охватило смятение. Многие решили, что их ловко провели “бояре”. Царя и в самом деле убили, полагали повстанцы, а “милостивые” указы были подделками. Начались ожесточённые бои с карателями.

Казацкие старшины во главе с И. Зерщиковым пришли к другому выводу. Они заключили, что Пётр находится в добром здравии, но сердится на казаков. Чтобы отвести от себя царский гнев, Зерщиков и его сторонники среди старшин и рядовых казаков решили схватить К. Булавина с его соратниками. С точки зрения заговорщиков, это не было предательством: предательством было бы сопротивление войскам, посланным самим царём. 7 июля 1708 г. К. Булавин был убит, а восстание вступило в свою завершающую фазу, хотя последний отряд повстанцев был уничтожен лишь в июне 1709 г. (см.: БВ. С. 276–277, 282, 290, 322–327, 339–340; ПиБ. Т. 7, вып. 2. С. 876; ДД. 1709 г. Ед. хр. 15. Л. 13–14).

Анализ фактического материала приводит к выводу, что тезис о стихийности народных выступлений в России XVII–XVIII вв. требует совершенно определённого толкования. Вряд ли верно понимать “стихийность” как антитезу “сознательности”, как нечто противоположное осмысленным и политически перспективным действиям. “Стихийность” нужно понимать как спонтанность, способность людей подняться на борьбу без предварительной подготовки, без всякой организационной работы со стороны инициаторов выступления.

Движения социального протеста были стихийными потому, что к ним специально не готовилась, хотя готовность сию же минуту выступить на защиту своих интересов постоянно присутствовала в сознании трудящихся. В народном сознании хранился определённый (причём сходный у всех слоёв трудящихся) план борьбы с угнетателями – план, для начала

осуществления которого часто хватало малейшего толчка (например, слуха). Что же это был за план? Каковы были механизмы его выработки и передачи?

Почвой, на которой этот план рождался, было хроническое недовольство народных масс своим положением. Объективными причинами недовольства были процессы, происходящие в русском обществе XVII–XVIII вв., – социально-экономические, политические, религиозные. Исторические процессы вели к тому, что реальное положение вещей не совпадало с ожиданиями и желаниями народных масс. Естественно, что трудящиеся пытались отыскать корни своего недовольства, выявить причины социального зла. Но при этом, как мы помним, они могли опираться лишь на наследие “устной” (фольклорной) культуры, свой кругозор и личный опыт. Кроме того, логика рассуждений “низов” соответствовала средневековому “стилю мышления”.

Ограниченность кругозора, локальность конкретно-практического опыта, особенности “устной” культуры и средневекового мышления вообще обусловили тот факт, что поиск причин социального зла, как правило, сводился к поиску “врагов народа” – конкретных виновников народных тягот. Активный вариант зарождения народных выступлений подразумевал самостоятельную борьбу трудящихся со своими врагами. Но был и пассивный вариант, который вел к примирению со злом, ибо оно воспринималось как закономерное и предусмотренное самим Богом. Впрочем, и во втором случае намечались лица (или целые группы), посредством которых осуществляется планы Творца. К примеру, для старообрядцев такими носителями зла были патриарх Никон и его сторонники в деле проведения церковно-обрядовых реформ.

Попробуем теперь представить процесс выработки фольклорного плана борьбы с угнетателями. Итак, виновники социального зла найдены, их имена постоянно муссируются посредством слухов и молвы. Вслед за этим начинают рождаться мечты о том, как бы устранить или хотя бы нейтрализовать “мирских кровопивцев”. Наконец, в зависимости от времени и места, а также личностных качеств людей, из народных чаяний могли оформиться две различные программы действий.

Во-первых, чтобы проникнуть взором в будущее, трудящиеся могли использовать религиозные понятия и образы. В этом случае для каждого

человека становился актуальным поиск средств и путей воздействия на Бога или же спасения своей души. Одни, к примеру, всё более серьезно начинали относиться к посещению церкви и вознесению молитв, другие, настроенные гораздо решительнее, уходили в монастырь или “в раскол”. Но в обоих случаях устранение социального зла возлагалось на Бога, а люди готовились лишь терпеливо ждать улучшений в жизни, не помышляя о том, чтобы добиваться их самим.

Вторая программа действий рождалась, если внимание трудящихся направлялось на их повседневную жизнь, если ими руководило стремление самим изменить существующий порядок вещей. К предыдущему случаю слова “план борьбы” вряд ли применимы. Ведь хотя расправа с угнетателями прогнозировалась, она должна была стать элементом Страшного суда, после которого предполагалось наступление “царства Божьего” на земле. Во втором же случае мы можем говорить именно о борьбе в полном смысле этого слова. Программа действий теперь включала в себя не только указание на ту ситуацию, при которой виновники народных тягот могут быть уничтожены, но и на то, каким способом это будет сделано. При этом предполагались совершенно реальные и вполне вероятные обстоятельства.

Итак, фольклорный план борьбы с угнетателями не был связан с православным вероучением. Однако это не означает, что он был оторван и от религиозно-царистских представлений масс. Причем на конкретном уровне можно говорить о двух вариантах

указанного плана.

Согласно первому варианту, причины социального зла (т. е. “изменники” и результаты их действий) будут устранены правящим монархом, а подвигнут его на это сами трудящиеся. Народные массы были уверены, что для достижения заветных целей подобным путем нужно лишь открыть глаза государю на “изменников” и оказать ему важную услугу (“послужить”). В перечне “служб” царю, после которых трудящиеся считали себя вправе ждать награды, можно отметить борьбу с внешним врагом, завоевание новых земель, защиту государя от козней “изменников”, наконец, верность заветам отцов и дедов, оберегание православного культа и веры.

Второй вариант фольклорного плана борьбы с угнетателями был рассчитан на тот случай, когда правящий монарх потерял доверие народа или же оказался “ложным”, “подменным”. В данной ситуации способом достижения заветных целей становится восстание во главе с “истинным” претендентом на престол (т. е. самозванцем, получившим поддержку в народе). Но и здесь главным остаётся мотив службы

взамен на исполнение монархом народных чаяний, поскольку данный вариант плана подразумевает проведение новым государем преобразований, меняющих систему общественных отношений.

Правда, о кардинальной реформе социальной системы речь не шла. Конечной целью восставших было лишь улучшение феодальной системы, перестройка её “по справедливости”. В политической сфере планировалась рокировка “низов” и “верхов”. К примеру, ссыльный пугачёвец Марушка говорил: “Не пытали мы, кто был Пугачёв, и знать того не хотели. Бунтовали же потому, что хотели победить, а тогда заняли бы место тех, которые нас утесняли. Мы были бы господами, а вера свободной... Выиграй мы – имели бы своего царя, произошли бы всякие ранги, заняли бы всякие должности. Господа теперь были бы в таком угнетении, в каком и нас держали” (цит. по: Сивков. С. 134).

Хранящиеся в народном сознании программы действий и планы борьбы с угнетателями никогда открыто в полном виде не формулировались. Частично они выражались в поведении, словах и лозунгах восставших, частично – в произведениях устного народного творчества (например, апокрифах, песнях о разбойниках), а также в слухах и толках, которые для народных масс были главным способом передачи социальной информации (см.: Чистов. С. 12).

В форме слухов и толков часто выражались те намеченные массами условия, при которых должен был начаться желаемый ход событий или же при которых следовало приступить к выполнению той или иной программы действий. Эта условия касались повода – той границы, которую сами себе, своему терпению ставили народные массы.

Роль повода в истории народных выступлений в России XVII–XVIII вв. была гораздо более велика, чем это представляется на первый взгляд. Повод не был простой зацепкой, формальным предлогом для осуществления заранее обдуманых и самодостаточных действий (т. е. таких, которые и при другом поводе остались бы точно такими же). Нет, повод был фактически причиной выступления. Он рождал (в полном смысле этого слова) движение. Повод был, во-первых, той каплей, которая переполняла чашу народного терпения. Во-вторых, повод был ещё и освящением выступления, он представлял выступление в глазах трудящихся (ещё до их участия в нём) как законное, справедливое, необходимое деяние. В-третьих, повод нёс в себе определённый план действий, определённый сценарий выступления, содержал указание на главную цель движения и подсказывал его лозунги.

Пока повод к выступлению не появлялся, трудящиеся исподволь корректировали хранящиеся в их сознании программы действий и планы

борьбы за свои интересы. Смена правительств, монархов, изменения в составе потенциальных и явных “изменников”, появление новых противников из числа иноземных государств – всё это сказывалось на содержании фольклорных программ и планов. Но благодаря этому они постоянно сохраняли свою актуальность, постоянно были готовы к тому, чтобы сыграть роль запала в тех взрывах социального протеста, которые время от времени сотрясали русское общество в XVII–XVIII вв.

ЛЕКЦИЯ 4. ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЗАРОЖДЕНИЯ “СВЕТСКИХ” ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРОТЕСТА

Как уже говорилось, массовые выступления социального протеста в России XVII–XVIII вв. чаще всего были обязаны своим возникновением религиозно-царистским представлениям народных масс. В зависимости от того, какая из двух “половинок” этого комплекса представлений была наиболее значимой для восставших, движения протеста можно поделить на “светские” и “религиозные” (в литературе употребляется термин “религиозно-общественные”). О выступлениях под религиозными лозунгами речь пойдёт в лекции 7. Пока же поговорим о движениях, в которых удельный вес религиозных лозунгов был невелик или эти лозунги отсутствовали вообще.

Выявление конкретных психологических механизмов зарождения “светских” выступлений протеста сопряжено с анализом их поводов. Последние же оказываются реализацией на практике царистских представлений масс (“наивного монархизма”, как любили писать в советское время).

Можно выделить 5 категорий поводов “светских” выступлений: 1) ожидание “справедливого” решения царя в ответ на поданную жалобу; 2) слух об уже вышедшем царском указе, отвечающем сокровенным чаяниям народа; 3) слух об убийстве государя или о том, что ему грозит опасность со стороны “изменников”; 4) появление самозванца, выдающего себя за “истинного” государя или “законного” претендента на царский трон; 5) осуждение правящего монарха, который превысил свои полномочия или доказал свою “ложность”.

Ожидание “справедливого” решения царя в ответ на поданную жалобу порождало как мирные выступления, так и вооружённые конфликты. Но всё же этот вариант повода не нёс в себе изначально разрушительного

заряда. Вспомним, как начинались и развивались народные волнения в России XVII–XVIII вв.

Причиной волнений было, как правило, изменение социального статуса или привычного порядка жизни трудящихся, а первой реакцией на это была подача жалобы царю. Именно апелляция к монарху составляла духовный стержень волнений. Но вот что интересно – с точки зрения трудящихся, сам факт подачи жалобы, даже простое решение отправить челобитчиков давали санкцию на то, чтобы не повиноваться властям и феодалам. В основе этого неповиновения лежала народная вера в царскую справедливость, убеждённость в том, что государь обязательно примет сторону народа. С момента написания жалобы тот социальный организм, на базе которого зародилось волнение, начинал функционировать как полностью независимый, автономный (см.: Кавтарадзе. С. 7–8).

Хотя волнения в своей основе были движениями мирного характера, тем не менее весьма часто они сопровождались вооружёнными конфликтами. В большинстве случаев причиной тому были действия властей, которые присылали воинские команды для усмирения

недовольных. По меркам “диффузного сознания” это было нарушением царской воли. Соответственно появление карателей заставляло трудящихся братья за оружие – и волнение перерастало в бунт. Такой сценарий развития событий, как мы уже видели, был характерен и для крестьянских, и для казацких волнений.

Однако бывали случаи, когда подача жалобы царю с самого начала сопровождалась насилием в отношении угнетателей, причём насилие не было вызвано появлением карателей. Но даже в подобных ситуациях сущность выступления по-прежнему заключалась в ожидании царского решения, которое, по мнению “смутьянов”, не могло не быть в их пользу. Насилие применялось только к тем лицам, на которые, по мнению народа, вскоре и неминуемо обрушится царский гнев. При этом участники движения не опускались до бессмысленной жестокости, они старались следовать принципам справедливости и законности, разумеется, в чисто народном их понимании.

Обратимся, например, к истории восстания городовых казаков Томска в апреле 1648 г. Причинами восстания были произвол “первого воеводы” князя Осипа Щербатого и его конфликт со своим заместителем – “вторым воеводой” (Ильёй Бунаковым). Поводом же послужило выступление перед “всем городом”, т. е. на площади перед приказной избой, Григория Подреза – одного из сторонников “второго воеводы”. Григорий объявил “государево дело” на “первого воеводу” и его

приспешников, что для собравшихся на площади было доказательством их “измены”. Тут же было решено подать челобитную царю об отстранении князя О. Щербатого от должности. Ну а поскольку для казаков характер будущего царского решения был уже ясен, они арестовали князя и начали расправу с его “соучастниками” (см.: Покровский, 1989. С. 82–88, 251).

Так как восставшие видели себя реализаторами царской воли, расправа с “изменниками” носила организованный и узаконенный характер. Вот что пишет Н. Н. Покровский о пострадавших: “Как правило, за ними отправлялась делегация, приводила их в круг и громила их дома. (...) С приведенных в круг сторонников и помощников первого воеводы из числа служилой верхушки вымучивали повинные челобитные, а затем доставляли их с этими челобитными в приказную избу, чтобы воеводская коллегия, приняв и зафиксировав документы, утвердила состоявшееся в кругах решение формальным арестом “мирских смугчиков”, которых тут же отправляли в тюрьму (среди арестованных был и бывший главный тюремщик); некоторых отдавали за пристава. Всего в дни восстания 12–14 апреля было избито и брошено в тюрьму более 20 человек” (Покровский, 1989. С. 87).

Насколько можно судить, исполнителями царской воли видели себя и те участники “Медного бунта”, которые не пошли в село Коломенское бить челом царю, а оставшись в Москве, начали громить дворы “изменников”. Отметим, что погромы начались ещё до подачи челобитной государю – и начались, по всей видимости, только потому, что восставшие были абсолютно уверены в одобрении и поощрении их действий со стороны монарха (см.: Восстание 1662 г. С. 91, 150–165).

Характерной чертой выступлений, рождённых ожиданием “справедливого” царского указа, была их локальность, изолированность. Они были коллективными, но не всегда массовыми. Они не могли вовлечь в себя большое количество людей самых различных слоёв, поскольку участвовать в этих выступлениях могли лишь те, кто подавал жалобу и ждал ответа на неё. Вопросы же, затрагиваемые в челобитных, чаще всего отражали интересы какой-либо одной общины, в лучшем случае – группы близко расположенных общин.

Гораздо более многочисленные народные выступления обязаны своим рождением слухам о царских указах, облегчающих жизнь народа. Слухи выдавали желаемое за действительное, но для народных масс их распространение, само их наличие служили свидетельством того, что

долгожданный указ действительно существует, просто он скрыт от народа “боярами”.

Широко известны факты массового бегства крестьян в районы, где, по слухам, производился набор на государеву службу “ратным обычаем”, которая освобождала-де от крепостной зависимости. Такие побегии имели место уже в первой половине XVII в., ещё до полного оформления крепостного права.

Так, в 1645–1646 гг. крестьяне и холопы бежали в “украинные” города, чтобы записаться там в донские казаки, а затем выступить против крымских татар. Уже к апрелю 1646 г. в Воронеже скопились тысячи беглых, которые примкнули к отряду донских казаков, стоявшему в городе. Беглецы требовали от воеводы “государева жалованья”, даже угрожали ему расправой, считая, что он утаивает предназначенные им деньги. Когда же воевода потребовал от донских казаков вернуть беглецов, те ответили так: “Нам де государев изусной приказ, что боярских беглых людей выдавать не велено”.

Таким образом, как беглые крестьяне и холопы, так и казаки были уверены в том, что действуют в соответствии с царским указом о наборе на ратную службу. Исходя из этого, они считали себя вправе не верить царским грамотам, которые требовали выдать беглых. Атаман казаков объявил эти грамоты “неправыми” (подложными) и увёл свой отряд со всеми, кто к нему примкнул, на Дон (Чистякова. С. 116–117).

Часто после распространения слухов о царских указах вспыхивали вооружённые выступления. Поводом городских восстаний 1648–1650 гг. послужил слух о том, что государь повелел карать “изменников”.

Всё началось в Москве 2 июня 1648 г., когда горожане и стрельцы посчитали, что сам царь дал им санкцию начать выступление, которое вошло в историю как “Соляной бунт”. Вот как это случилось: “...Стрельцы и народ побежали в палату к царю... и пожаловались ему, что люди Морозова на них нападают, и просили от него защиты, грозя, что иначе они сами отомстят Морозову. На это его царское величество с гневом отвечал им: “Раз вы были так сильны и даже сильнее, чем слуги Морозова, почему вы не защитили меня от них? И если слуги Морозова позволили себе слишком многое, то отомстите им за себя!” После этих слов вся толпа вместе со стрельцами, по недоразумению полагавшими, что им самим нужно разделаться с Морозовым, бросилась к дому Морозова и принялась его штурмовать” (ГВ. С. 55).

Конечно, вряд ли царь говорил именно эти слова, но нет сомнений, что смысл его речи в источнике передан верно и что в царских речах восставшие усмотрели прямое указание расправиться с

“изменниками”.

Цепная реакция городских восстаний в июне – июле 1648 г. происходила по мере того, как всё дальше и дальше распространялась молва о восстании в Москве и слух о том, что “указал де государь по городам приказных людей побивать камением”. В качестве доказательства “законности” будущих выступлений предъявлялись некие “царская грамота” и “указ”, часто вкуче с клочками “золотнова платья” и сосудами из московского дома Б. И. Морозова (Чистякова. С. 68, 132–137, 158, 161).

Восстание в Козлове 11 июня 1648 г. началось сразу после того, как “приехали... с Москвы козловцы... и во всех людях смуту и мятеж учинили” (ГВ. С. 102). По приезде свидетелей московских событий вспыхнуло восстание и в Устюге Великом (9 июля 1648 г.). Причём

восставшие полагали, будто их сам государь просил наказать “изменников”. Из Москвы посадский человек Фёдор Печацын привёз некий документ, который затем видели в руках церковного дьячка Игнатия Яхлакова: “Как учинился на Устюге... мятеж, и он, Игнашка, носил бумагу согнута, а говорил во весь мир, что де пришла государева грамота с Москвы, а велено де на Устюге по той государеве грамоте 17 дворов грабить” (ГВ. С. 143, 152). Обратим внимание, что желание посчитаться с угнетателями созрело у козловцов и устюжан давно, однако реализовалось только после получения ими царской санкции.

По тому же сценарию начиналось восстание в Курске (5 июля 1648 г.). Поводом послужили известия, что в Москве “бояр побивают”, а главное – “в том де государь волен” (ГВ. С. 112–113, 124, 130). Курское восстание было законным, с точки зрения его участников, ещё и потому, что началось по решению “всего мира”, после того как “учали в колокол бить”. Подобное выступление “всем миром” по звуку вестового колокола и барабанного боя было в Челнавске 12 июня 1648 г. Можно полагать, что и здесь не обошлось без уже известного нам слуха (см.: ГВ. С. 111, 113; Чистякова. С. 132).

Выступления горожан Пскова и Новгорода (1650 г.) против “изменников”, продававших хлеб в Швецию, вспыхнули под воздействием слухов о том, что государь находится в Польше и велит биться с боярами (см.: Тихомиров. С. 104, 106). Восставшие не сомневались, что царь на их стороне, поэтому вступили в борьбу с правительственными войсками, посланными на усмирение “мятежников”, причём эти войска воспринимались как “боярские”. Характерно и то, что псковичи отказывались верить настоящим царским грамотам. Во-первых,

грамоты были присланы из Москвы, а не из Польши, как этого ждали восставшие. Во-вторых, грамоты призывали прекратить сопротивление и повиниться, что противоречило содержанию слухов, В-третьих, народ считал ближайшим другом царя Н. И. Романова, однако одна из грамот представляла его стоящим дальше от государя, нежели ненавистного Б. И. Морозова (см.: Тихомиров. С. 70, 75).

Долго копившееся у С. Разина желание “з бояры повидатца” заставило его взяться за оружие лишь после того, как до него дошла молва об “измене” в царском дворце. С марта 1669 по январь 1670 г. умерли царица Мария Ильинична и два царевича – Алексей (наследник престола) и Симеон. В народе это было отнесено на счёт бояр-отравителей (КВ. Т. 1. С. 235, 279–280). По словам иностранца-современника, С. Разин объявил себя “мстителем за Алексея Алексеевича” и стал призывать “всех, кто хочет мстить, а не повиноваться боярам, сходиться к нему и воздать им за их беззаконие” (Иностр. известия. С. 67).

“Измена” бояр делала понятными все другие их “неправды” и требовала решительных действий. Но, как мы помним, чтобы выступить с оружием в руках против “лихоимцев”, нужна была санкция монарха. По всей видимости, С. Разин и его соратники такую санкцию получили, поскольку позже открыто заявляли, что идут против бояр “по указу великого государя”, в соответствии с царской грамотой, присланной Разину. Так, “прелестное письмо” атамана Леска Черкашенина, посланное в Харьков 15 октября 1670 г., сообщало: “...По указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича... и по грамоте ево, великого государя, вышли мы, великое войско Донское, з Дону Донцом ему, великому государю, на службу, потому что у него, великого государя, царевичев не стала и от них, изменников бояр” (КВ. Т. 2, ч. 2. С. 20, 74).

Совсем не обязательно видеть в этом лукавство, мистификацию со стороны восставших. Они сами могли стать жертвами обмана – к примеру, получить подложный указ и поверить ему. А такое было вполне возможно. Например, в 1683 г. пришлый монах-раскольник подал в Черкасске “великого государя грамоту, чтоб донские казаки шли к Москве. И донские де казаки хотели иттить...” (Восстание 1682 г. С. 27). Монах говорил, что царя Ивана “на Москве

бояря не почитают, извести хотят” (Сватиков. С. 125).

Хотя восстание на Дону в 1683 г. не вспыхнуло (казаков остановили атаман и старшины), всё же этот пример интересен тем, что показывает: в ряде случаев народные массы могли подняться на борьбу

и вскоре остановиться, обнаружив, что в действительности царь ни с какими призывами к ним не обращался.

Однако бывало и так, что вооружённые выступления трудящихся вспыхивали не только без прямой санкции царя, но даже без надежды на её получение в будущем. Ненависть к угнетателям могла вылиться в восстание и при уверенности, что монарху угрожает опасность со стороны “бояр”, или убеждённости в том, что царя нет в живых, а “бояре” сами правят от его имени.

Восстание московских стрельцов 1682 г. было реакцией на слух, что Нарышкины убили царевича Ивана (Буганов, 1969. С. 145). Взявшись за оружие, стрельцы уже не могли остановиться. И даже убедившись в том, что царевич Иван жив, они от его имени продолжали расправляться с “изменниками”, осознавая себя защитниками законных интересов старшего царевича. Очевидец восстания сообщает: “Все три дня, пока продолжался этот бунт, стрельцы действовали от имени царя Ивана Алексеевича, хотя никого ни о чём не спрашивали и делали всё, что хотели” (см.: Буганов, 1969. С. 98, 145, 171–172).

Поводом стрелецкого восстания в Москве 1698 г. была весть о том, что “великого государя за морем не стало”. Именно поэтому стрельцы решили откликнуться на письмо царевны Софьи* и просить её вступить на трон (Угол. дела. Ед. хр. 12, ч. 1. Л. 13 об. – 14).

Известие о подавлении этого восстания всколыхнуло донских казаков, до которых тоже дошёл слух о гибели Петра I “за морем”. Расправа со стрельцами была воспринята на Дону как доказательство боярского произвола. Казаки говорили: “...Буде великий государь к заговению не будет, и вестей никаких не будет же, то де нечево ево, государя, и ждать, а бояром де мы не будем служить, и царством де им не владеть”; “до Москвы де будем города брать и городовых людей брать с собою, а воевод будем рубить или в воду сажать” (Угол. дела. Ед. хр. 12, ч. 2. Л. 15).

Если на Дону в 1699 г. дело до вооружённого выступления так и не дошло, то в Астрахани, правда, шестью годами позже, молва о гибели Петра I всё-таки породила восстание. Астраханцы были уверены в “измене” городской администрации уже давно, ибо та безо всякого снисхождения претворяла в жизнь указы о бритье бород, усов и о ношении “немецкого платья”. Однако последней каплей, переполнившей

* Не исключено, что это письмо было подложным – как и упоминавшиеся ранее “государевы грамоты”. По крайней мере, одно поддельное письмо царевны Софьи нам известно: его получил К. Булавин в конце 1707 г., когда самой Софьи, кстати, уже не было в живых (БВ. С. 190).

чашу терпения, послужил опять-таки слух о том, что “великого государя не стало, и для этого (поэтому – О. У.) де воевода Тимофей Ржевский и начальные люди стали делать неподобно, веру христианскую покинули...” (Угол. дела. Ед. хр. 17. Д. 19 об. – 20, 23).

Наконец, участники булавинского движения тоже были уверены в том, что “великого государя и государя царевича вживе нет давно, а владеют де государством бояре да прибыльщики и немцы”. Инициаторы восстания в число “изменников” заносили также

начальника сысского отряда Ю. В. Долгорукого и войскового атамана Лукьяна Максимова с его сторонниками, В одном из писем К. Булавин сообщал: “Они, Лукьян с товарищи, списывались з бояры, чтоб у нас на реке русских пришлых людей всех без остатку выслать... И по тем их... письму и совету прислали они, бояре, от себя к нам на реку полковника... Долгорукова” (БВ. С. 203, 450, 461).

Стоит подчеркнуть: восстание К. Булавина началось не потому, что на Дон приехали “сыщики” беглых (такое случалось и раньше, в 1703 и 1704 г.). Главным было то, что появление отряда Ю. Долгорукого совпало с распространением слуха о гибели царя.

Булавинское восстание некоторые исследователи относят к таким движениям социального протеста, которые в советской литературе получили название “крестьянские войны”. Однако правомерность подобного причисления вызывает большие сомнения. В данный момент укажем лишь на то, что поводы крестьянских войн относятся к особой группе, все они связаны с появлением самозванцев – “истинных” претендентов на царский трон.

Крестьянская война начала XVII в. вспыхнула вслед за распространением слухов о чудесном спасении царевича Дмитрия и появлением на территории России Лжедмитрия I (октябрь 1604 г.). Участников движения под предводительством И. Болотникова, которое было вторым этапом крестьянской войны, воодушевлял слух о новом спасении царевича Дмитрия. Они верили, “что тово Ростригу Бог соблюл, а в него место бутто убиша немчина подобна ево лицу” (Восстание И. Болотникова. С. 83). Повстанцы выступали главным образом против тех феодалов и чиновников, которые оставались на стороне В. Шуйского: “а ково побивали и грабили, и тех называли изменники, а оне будто стоят за царевича Дмитрея” (Восстание И. Болотникова. С. 110).

Как известно, и крестьянская война 1773–1775 гг. изначально включала в себя самозванчество. Появление на Яике “императора Петра III” позволило казакам дать выход своей ненависти к “боярам”

(советникам Екатерины II), проводившим политику постепенной, но неуклонной ликвидации казачьих прав и традиций. После “объявления” Е. Пугачёва казакам авторитет Екатерины в их глазах упал, ибо она предстала узурпатором. Логичным итогом этой метаморфозы стала женитьба “Петра III” на казачке. Таким образом, желание посчитаться с “боярами” вылилось в решительные действия, когда яицкие казаки уяснили, что политика этих вельмож обусловлена верной службой узурпатору, т. е. фактом их “измены”.

Теперь становится понятным, почему третья крестьянская война не началась на Яике раньше, к примеру, в 1772 г., когда бунтующие казаки вели боевые действия против карательных войск. Причина, по которой бунт яицких казаков 1772 г. не перерос в восстание, следующая: авторитет Екатерины II они сомнению не подвергали.

Более того, казаки всячески оберегали свои идеализированные представления о государыне. Например, казаки-челобитчики, так и не добившиеся аудиенции у Екатерины II, тем не менее сообщили по возвращении домой, что привезли из Петербурга императорский указ, в котором-де повелевается самим казакам “себе делать управу”, ибо все несправедливости им “делает всё граф Чернышев” (глава Военной коллегии), а она об этом ничего не знала, но теперь, “о вотчине своей ведая, что всё граф мудрствует, весьма сожалеет” (Рознер. С. 115). Наконец, подавляющее большинство казаков прекратило сопротивление, узнав, что “их вину бог и государыня прощает” и что, следовательно, “им наказание... чинено не будет” (Рознер. С. 157).

Особенность второй крестьянской войны заключается в том, что самозванец среди восставших и слухи о чудесном спасении царевича Алексея появились через полгода после её начала. Восстание, которое в апреле 1670 г. начал С. Разин, лишь осенью того же года

превратилось в настоящую крестьянскую войну (в полном смысле этого термина). Первые известия о пребывании среди повстанцев “царевича Алексея” относятся к концу августа – началу сентября 1670 г. Благодаря этим известиям десятки тысяч крестьян включились в борьбу с угнетателями, а восстание приняло наиболее широкий размах (см.: КВ. Т. 2, ч. 1. С. 141, 203, 341; Т. 3. С. 86).

Подробнее о присутствии самозванца в разинском войске, а также о его личности мы поговорим в лекции 9. Пока же доведём до конца обзор поводов народных выступлений.

Некоторые движения социального протеста были реакцией на действия монарха, которые вызывали резкое осуждение в народе. Такая реакция возникала лишь тогда, когда монарх, с точки зрения трудящихся,

превышал свои полномочия или представлял как “ложный”, “подменный”, “неистинный”.

Подобные эпитеты из всех правителей России наиболее часто получал Пётр I. Уже с начала его правления по стране ходили слухи, что на самом деле он – “немчин”, что настоящего Петра ещё во младенчестве подменили бояре: “Нынешний царь не печётся о народе, а печётся о немцах, потому что он и сам ихней породы, а не царского кореня” (см.: Покровский, 1982. С. 53).

Наибольшую популярность эта версия нашла в среде “староверов”. Однако и те, кто сохранял лояльность к монарху и не хотел верить слухам, болезненно, обострённо реагировали на все его действия, идущие вразрез с народными представлениями о царе и нормах его политики.

5 февраля 1722 г. Пётр издал указ, в котором объявлялось, что монарх имеет право назначить преемника по собственному выбору и независимо от степени родства с ним. Одновременно всем подданным повелевалось принести присягу будущему наследнику престола, имя которого, однако, умалчивалось. Этот указ противоречил политическим традициям России и народным представлениям о порядке престолонаследия. Поэтому он породил целую волну слухов, что невиданная присяга безымянному наследнику на самом деле является присягой Антихристу, имени которого-де и вымолвить невозможно. Соответственно далеко не все подчинились воле Петра.

Так, в мае того же года служилые казаки и другие жители города Тара (Тобольской губернии) отказались выполнить указ. Участники волнения (всего более 700 человек), среди которых были “староверы”, объяснили свой отказ в “противном письме”. Они заявляли, что согласны присягать наследнику только в том случае, если будут знать его по имени и если он будет настоящего царского рода и истинной православной веры. Среди участников выступления шли разговоры о смерти и подмене Петра, о наступлении “последних времён”; сообщалось, что Антихрист уже воцарился и до конца света осталось поэтому 3,5 года. Упоминались и “чудеса Антихриста”; так обозначали в народе петровские новшества – введение подушной подати и рекрутчины, распоряжения о бритье бороды, а также несоблюдение царём церковных постов и пренебрежение к “старому” кресту, Естественным поэтому выглядит решение “отказников” прекратить моления за царя.

На усмирение мятежного городка были посланы войска, вследствие чего волнение переросло в открытый вооружённый конфликт – бунт. Подобные бунты, кстати, имели место и в 1742 г. (см.: Мальцев.

Другим примером, когда действия монарха порождали выступление против него, может служить история “Соловецкого бунта” 1668–1676 гг. Как известно, он начался с отказа монахов Соловецкого монастыря принять богослужебные книги “никоновской печати”. Однако участие в бунте приняли и миряне – беглые холопы, стрельцы, солдаты, казаки и разинцы. Таким образом, хотя в своей основе выступление носило религиозный характер, его можно рассматривать и в ряду “светских” движений социального протеста.

После того как монастырь осадили царские войска, отношение бунтовщиков к царю стало меняться. Убедившись в том, что государь отступил от “старой веры” (“истинного православия”), осаждённые прекратили моления за царя и его семью. Это значило, что бунтующие отныне выступают не только против никоновских реформ, но и против самого монарха. Сначала (в 1669 г.) из традиционной молитвы за царя были убраны конкретные имена, взамен которых были вставлены слова о неких “благочестивых князях”. А спустя 4 года, в 1673 г., уже официально было принято решение “за великого государя богомолье отставить” (см.: Савич. С. 273–274; Чумичева. С. 171, 173).

Итак, идейно-психологические основы зарождения “светских” выступлений протеста принадлежат комплексу царистских представлений народных масс и теснейшим образом связаны с понятием “измены”. Конечно, можно вслед за советскими историками попенять восставшим на то, что они выступали не против всех угнетателей, а лишь против “изменников” и их сторонников, что они не собирались менять существующую систему властвования, питая “царистские иллюзии”. Однако не мешает спросить: а вспыхивали бы восстания без этих “иллюзий”? Ответ, на наш взгляд, будет отрицательным.

Ещё раз подчеркнём: мы не умаляем главной роли социально-экономических факторов в истории социального протеста, но считаем, что борьба против угнетателей начиналась лишь после того, как включался фактор психологический, лишь после того, как люди осознавали справедливость, законность и необходимость выступления.

ЛЕКЦИЯ 5. ИДЕОЛОГИЯ “СВЕТСКИХ” ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРОТЕСТА

Разговор о повстанческой идеологии требует сосредоточения на истории восстаний и крестьянских войн. А это, в свою очередь, требует очередного обращения к царистским взглядам трудящихся. К характеристике “наивного монархизма” нам придётся прибегнуть и в будущем, когда речь пойдёт о самозванчестве (лекция 8). Пока же ограничимся анализом только тех черт народного монархизма, которые определяли отношение повстанцев к себе, своим поступкам, к другим людям и, наконец, к своему движению в целом.

Можно утверждать, что для народных масс в России XVII–XVIII вв. было важно не просто находиться в подданстве у “великого государя”, а служить ему, видеть себя состоящими у него на службе. Однако служение царю не могло быть произвольным. В народном сознании оно ограничивалось известными рамками, строилось на определённых принципах, главными из которых были принципы законности и справедливости (в том виде, как их понимали трудящиеся).

Например, законным для народа было выступление “всем миром”, в соответствии с общинными традициями. Законной, как мы видели, была и защита царя (или его прерогатив), когда он сам себя защитить не мог. Понятие же справедливости питало надежды на награду от государя. Трудящиеся много ждали от монарха, но при этом считали, что удовлетворение их чаяний наиболее реально в виде ответного шага царя за их заслуги перед престолом.

Более того, народные массы, оказав, с их точки зрения, услугу монарху, считали вполне справедливым требовать добиваться от него ответной услуги. Таким образом, народные представления о справедливом правителе были тесно связаны со взглядами на служение, которое в средние века “мыслилось и как получение, и как приношение даров” (Гуревич, 1984).

С. 260).

Обратимся к примерам. После “Смуты” начала XVII в. в центре России остался многотысячный отряд т. н. “вольных казаков”, состоявших главным образом из беглых крестьян и посадских людей. Основным стремлением “вольного казачества” было конституировать себя в качестве служилого сословия, а также получить всё, что ему было обещано ранее правительством М. Романова. Поскольку последнее с выдачей жалованья не спешило, многие казачьи отряды оставляли свою службу в городах, захватывая обширные территории себе “в кормление”. Так, в сентябре 1618 г. казаки из отряда П. Ульянова объявили, что идут “кормиться” в с. Высокое под Коломной, где будут дожидаться

30

царского указа о жалованье. Другими словами, они полагали, что имеют полное право грабить, пока царь не выполнит своих обещаний (см.: Станиславский. С. 104–109, 112–116).

Восставшие москвичи в июне 1648 г. считали, что царь должен “повелеть всех неправедных судей искоренить”, ибо, став “великим государем”, он получил от Бога “меч злым на казнь, а добрым на милость” (ГВ. С. 48, 51). Перебив “изменников” и разгромив их дома, восставшие заключили, что оказали услугу царю, поскольку доказали на деле верность данной ему присяге. Соответственно горожане посчитали себя вправе требовать, чтобы и государь оставался верным своему слову, в то время как царь употреблял все усилия, пытаясь примирить Б. И. Морозова с народом, оставить его в столице.

Москвичи не хотели слушать даже патриарха: “Они готовы были и его царское величество до тех пор считать изменником, пока не добьются, согласно его обещанию, высылки Морозова от двора и из города; они (москвичи) решили даже, если его царское величество добровольно не надумается это сделать, силой понудить его к этому...”. Очевидец сообщает: “Народ угрожал силой вытащить Морозова из покоев его величества; и доколе царское величество, не будет держать своё слово, то и народ не будет соблюдать своё” (ГВ. С. 58–59, 63).

Подобное понимание служения, которое огрублённо можно выразить принципом “ты – мне, я – тебе”, просматривается и в требованиях московских стрельцов после восстания в мае 1682 г. Характерно, что восставшие подали челобитную, в которой потребовали поставить на Красной площади столб с именами убитых “изменников” и выдать жалованные грамоты с перечислением стрелецких прав и привилегий (Восстание 1682 г. С. 36–39).

Характерно также, что конечной целью восстания в Астрахани 1705 г. было “сыскать государя и побить челом, чтоб старой вере* быть по прежнему”. Казалось бы, зачем для этого братья за оружие, ведь можно просто ограничиться посылкой делегации, не трогая никого без необходимости. Однако восставшие с самого начала намеревались захватить Царицын, а затем идти на Москву и рубить всех “немцев” и тех, кто не пристанет к мятежникам (Угол. дела. Ед. хр. 17. Л. 54). В этом усматривается уже знакомое нам стремление доказать свою лояльность государю, чтобы иметь законные основания для челобитья в защиту “старой веры”.

* Под “старой верой” здесь понимается право носить бороду, усы и национальную одежду (в противовес “латинской вере”).

Наконец посмотрим на манифесты Е. Пугачёва. Многие из них были ничем иным, как пожалованиями в обмен на верную службу новоявленному императору. Широкую поддержку Пугачёв приобрёл именно потому, что массы убеждались в действенности своих взглядов на служение, в соблюдении “Петром III” принципа взаимности услуг.

Представления о справедливости и законности, облечённые в одежды “наивного монархизма”, формировали отношение повстанцев и к их потенциальным союзникам. Сознавая себя защитниками правого дела, участники массовых вооружённых выступлений считали вполне естественным применять силу и угрозы для пополнения своих рядов. Иногда люди поддерживали восставших против своей воли, из чувства страха.

Во время первой крестьянской войны существовала практика насильного привода к присяге на верность “царевичу Дмитрию” (см., например: Восстание И. Болотникова, С. 198). Многие из тех, кто попадал в войско С. Разина, формально шли туда по своей воле. Но фактически у людей часто не было выбора – отказ идти на “службу великому государю” был равносителен подписанию себе смертного приговора (см.: КВ. Т. 2, ч. 2. С. 26, 36, 96).

Однако можно заметить, что насильственный набор в повстанческое войско преобладал тогда, когда повстанцы терпели поражения или чувствовали себя недостаточно уверенно перед лицом карателей. Множество примеров содержит история разинского движения (КВ. Т. 1. С. 196, 221; Т. 2, ч. 1. С. 20, 30, 52, 62, 91, 252, 285, 358, 376, 423; Т. 3. С. 34, 55). Аналогичные случаи знала история восстаний под предводительством К. Булавина и Е. Пугачёва (БВ. С. 170, 438, 443; Документы. С. 41, 43, 254, 383; Крест. война 1773–1775 гг. С. 55–56).

Когда же повстанцы были уверены в своих силах, они предлагали присоединяться к ним лишь тем, кто сам этого хотел, и не очень переживали, если “охотников” оказывалось мало. Например, К. Булавин, имевший под рукой несколько тысяч человек, в начале апреля 1708 г. звал к себе 9 “тамбовских станичников” (городовых казаков – О. У.). Их только уговаривали, и когда один из них перешёл к восставшим, отпустили восвояси (БВ. С. 185). Сходным образом поступил булавинский атаман Никита Голый, когда разбил карательный полк И. Бильса. Из числа солдат и работных людей, сопровождавших полк, с повстанцами остались только желающие, прочих же восставшие “роспустили врознь” (БВ. С. 339, 343; Апраксин. С. 83).

Сообразно с представлениями о справедливости и законности поступали

восставшие и по отношению к их врагам. Ненависть к угнетателям, двигавшая повстанцами, не застилала им глаза, не приводила к огульным обвинениям и казням всех, кто принадлежал к привилегированным сословиям. Неминуемая смерть ждала лишь тех “изменников”, из-за которых, собственно, и вспыхивало восстание. Что касается противников восставших, изначально не включённых в “чёрный список”, то их судьба зависела от ряда обстоятельств.

Жизнь представителей “верхов”, чьё имя народная молва ещё до выступления не связывала с “изменой”, чаще всего зависела от того, “добры” они к народу или нет. Как правило, не щадили тех, кто не знал меры в своём стремлении к наживе или к власти, кто считался лихоимцем и “судьёй неправедным”. Пусть даже чиновник или феодал не оказывал сопротивления восставшим, но оказывался “недобрым”, его казнили.

Так, И. Болотников, по его собственным словам, наказывал феодалов лишь “за грехи” (Восстание И. Болотникова. С. 190; Материалы по истории СССР. С. 75). Разинцы, прежде чем казнить схваченного дворянина или офицера, предварительно убеждались, что он по отношению к простым людям был “недобрым” (КВ. Т. 2, ч. 2. С. 14–15). Примечательно, что и азовские стрельцы в 1698 г., намереваясь поднять восстание, планировали перебить лишь тех полковников, которые к ним были “недобры” (Угол. дела. Ед. хр. 12, ч. 2. Л. 24).

Впрочем, отношение восставших к представителям господствующего слоя не всегда определялось репутацией последних как управителей, носителей власти. Это отношение могло зависеть от бытового поведения власть имущих, от их манеры вести себя на людях.

К примеру, стрельцы-участники “Соляного бунта” князя Я. К. Черкасского своим врагом не считали, так как он был “хорошим”. И всё благодаря тому, что некогда он дважды у себя в доме угощал стрельцов водкой (ГВ. С. 40). В то время подобное угощение было большой честью,

знаком глубокого уважения, и стрельцы этого не забыли.

Столь же чувствительны к уважительному обхождению были и донские казаки, принимавшие участие в восстании под предводительством С. Разина. Об этом свидетельствуют их речи в Паншине, где в апреле 1670 г. собрался повстанческий круг, решавший вопрос о путях и целях движения. Для донских казаков “недобрыми” были бояре и чиновники, из-за которых “на Дон государева жалованья не присылаетца”. “А добры де к ним, донским казакам, бояря князь Иван Алексеевич Воротынской, князь Григорей Сунчалеевич Черкасской: как де они бывают на Москве в станицах, и их де они кормят и поят” (КВ. Т. 1.

С. 236). Уже в ходе выступления разинцы не трогали тех дворян, офицеров и чиновников, которые встречали восставших с хлебом-солью или переходили на их сторону (см.: КВ. Т. 2, ч. 1. С. 541; Т. 3. С. 83). В частности, Разин сохранил жизнь черноморскому воеводе, когда тот встретил атамана восставших с большими почестями (КВ. Т. 1. С. 231).

Сходным образом поступал и Е. Пугачёв. Офицеры и дворяне, которые встречали его как настоящего императора, получали высшие звания – например чин “полковника” (см.: Документы. С. 45–46, 388–389).

Одним из признаков, по которым восставшие определяли в человеке врага (“изменника”), был его отказ принести клятву их руководителю (настоящему или номинальному), а также нежелание “стоять всем за едино”, т. е. действовать вместе с мятежниками.

Уже говорилось, что всякое движение протеста ещё до своего возникновения представляло актом справедливым и законным, поэтому нет ничего удивительного в том, что из выступления в выступление повторялись призывы “бить и грабить” всех, кто не пристанет к восставшим. Эти призывы обращались и против собратьев по классу, сословия, посаду и т. д. Например, во время восстания И. Болотникова после взятия Коломны начался грабёж “лучших людей” из посада. Они дискредитировали себя тем, что выступали против сдачи города войскам “царевича Дмитрия” (см.: Скрынников. С. 110).

Добавочным основанием для подобного отношения к “своим”, которые в одночасье становятся “чужими”, была традиция мирского самоуправления, в соответствии с которой решение, принятое на сходе, носило обязательный характер для всех членов общины. Участники вооружённых выступлений тоже давали клятвы “стоять друг за друга и помереть всем заодно”, нарушителей которых полагалось наказывать беспощадно. За примерами можно обратиться к истории “Медного бунта” (см.: Восстание 1662 г. С. 66, 92) и разинского движения (КВ. Т. 2, ч. 1. С. 211; Т. 3. С. 219–220, 246–249).

Традиции мирского управления влияли и на повстанческое судопроизводство. Участники народных выступлений пытались соблюдать некие формальные процедуры, соответствовавшие народным представлениям о законности.

В ходе восстания И. Болотникова арестованных воевод отсылали в Путивль к “царевичу Петру”, по указам которого и проводились их казни. То есть восставшие действовали в соответствии с официальными нормами, ибо признавали право знати на личный суд царя (Скрынников).

С. 156). Впрочем, голос народа тоже учитывался. Например, семеро казаков упростили “царевича Петра” помиловать знакомых дворян из Нижнего Новгорода и Арзамаса (Восстание И. Болотникова. С. 116).

С. Разин также прислушивался к отзывам людей, которые характеризовали обвиняемых как

“добрых” к народу (см.: КВ. Т. 1. С. 236; Т. 2, ч. 1. С. 91, 541). Во время булавинского восстания судьбу арестованных офицеров и подьячих решал “круг” и характер наказания напрямую зависел от степени виновности подсудимого, т. е. от того, сколь рьяно и упорно он боролся против повстанцев. Многие из арестованных отделялись лишь страхом (см.: БВ. С. 176, 182, 205, 263–264, 438).

Е. Пугачёв – “Пётр III” в своих манифестах и указах прямо повелевал придерживаться определённого порядка при осуждении человека на казнь. Подлежали смерти прежде всего те, кто упорствовал в своём нежелании покориться “Петру III”. Однако казнь должна была совершаться “на основании законов” (т. е. манифестов и указов Пугачёва), с чтением приговора, а главное – с согласия народа. Повстанческим командирам предписывалось “требовать от всего общества на то голосов, простить ли ево имярек: или учинить над ним... смертной казни” (Документы. С. 42).

Участники массовых выступлений социального протеста в России XVII–XVIII вв. часто получали от советских историков упреки в наивности и мягкотелости. Например, высказывалось сожаление, что восставшие не стремились к ликвидации всего господствующего класса (см.: Шапиро. С. 64; Маньков, С. 132). В разделении власть имущих на “добрых” и “недобрых” усматривалась “незрелость” антифеодальной идеологии, “политическая слепота” восставших (см.: Буганов–Чистякова. С. 45; Пронштейн–Мининков. С. 245).

Вряд ли правильно степень зрелости движения (с точки зрения политической) определять по количеству убитых его участниками феодалов и по наличию–отсутствию у восставших стремления предать кого-то смерти лишь за принадлежность к высшим сословиям. К тому же в отсутствии тотального террора можно усмотреть понимание народными массами того, что изменение жизни не зависит от физического истребления всех “господ”. О том, что с моральной точки зрения избирательность в определении врагов характеризует сознание повстанцев не с самой худшей стороны, мы уже не говорим.

Анализ источников приводит к выводу, что грабёж “изменников” далеко не всегда был грабежом в собственном смысле этого слова.

Больше это было похоже на конфискацию незаконно нажитого имущества с последующим дележом его “всем миром”.

Есть указание, что “царевич Пётр” во время Смуты призывал грабить имения только тех феодалов, которые были казнены в Путивле как “изменники” (см.: Восстание И. Болотникова. С. 89, 104; Материалы по истории СССР. С. 20, 25). В 1648 г. Великий Устюг тоже познал волну грабежей, причём изъятое в ходе них имущество запечатывалось и охранялось. Что касается судьбы награбленного, то в этой связи можно привести слова дьячка, который охранял изъятое добро “изменника” Г. Похабова. Дьячок “говорил, чтоб те Григорьевы животы грабленые разделить меж собою; те де животы изменниковы, а толко де тех животов не делить, ино их зжечь” (ГВ. С. 156). Организованный и “законный” характер носили и грабежи, совершаемые разинцами. Так, атаман И. Иванов в октябре 1670 г. рассылал “памяти” по деревням с повелением “приказных и прожиточных крестьян крепить”, а имущество их арестовывать и опечатывать (КВ. Т. 2, ч. 1. С. 316, 346). Подобным же образом было конфисковано, переписано и опечатано до будущего дележа имущество “изменников” и в Астрахани в 1705 г. (см.: Голикова, 1973. С. 266, 270–273).

Помимо дележа, судьбу “изменниковых животов” могла решить их передача в собственность великого государя. Примеры подобных решений имеются в истории московских восстаний 1648 и 1682 г., а также в истории пугачёвского движения (см.: ГВ. С. 60; Восстание 1682 г. С. 33–34; Документы. С. 37, № 24).

Если же восставшие принимали решение уничтожить имущество “изменника”, то их

действия объяснялись не столько состоянием аффекта, сколько особенностями их мировоззрения. Среди самых страшных грехов средневековый человек видел гордыню, измену и предательство, которые считались воплощениями дьявола (Гуревич, 1981. С. 287). Соответственно для участников народных выступлений расправы с “недобрыми” (гордыми) господами и явными “изменниками” могли представлять как борьба с врагом рода человеческого.

Москвичи, которые в 1648 г. громили дом Б. И. Морозова, не брали драгоценностей, наоборот, уничтожали их, причём таким образом, чтобы “показать, что не так их влечет добыча, как мщение врагу”. Даже иконы в доме “изменника” теряли сакральный характер, восставшие их безбоязненно выбрасывали на улицу (ГВ. С. 55, 60, 67). Такое отношение к добыче вытекало из средневекового представления о неразрывной связи вещи и её обладателя. По всей видимости, не считали себя святотатцами и разинцы, когда сжигали церкви на землях,

принадлежавших “изменникам” (см.: КВ. Т. 2, ч. 1. С. 108).

Интерес представляет и отношение к личности самих “изменников”. Во-первых, они оказывались вне общества, вне законов и понятий морали. Для восставших они больше не были людьми. Поэтому не стоит удивляться жестокости и изощрённости расправ с “изменниками”, тем более что для средневековья вообще характерно было представление, согласно которому вид наказания и его тяжесть должны соответствовать характеру и опасности преступления.

Казни феодалов в Путивле, осенённые авторитетом “царевича Петра”, совершались по-разному. Далеко не всем отрубали голову. Одних “изменников” сбрасывали с башни в ров, других вешали за ноги, третьих распинали, четвёртых расстреливали (Восстание И. Болотникова. С. 89). Впрочем, и противники восставших не оставались у них в долгу, проводя массовые казни пленных повстанцев (см.: Материалы по истории СССР. С. 58, 60, 76).

Во-вторых, действия восставших по отношению к “изменникам” носили ритуально-знаковый характер. Астраханский митрополит Иосиф, обвинённый разинцами в сговоре с “боярами”, был сброшен с “раската” (крепостной стены), но предварительно с него сняли архиерейские одежды. Разоблачение происходило здесь и в прямом, и в переносном смысле (КВ. Т. 3. С. 183, 203, 214–217). Знаковый, “разоблачительный” характер носило и распоряжение С. Разина брить бороды всем пленным, а также не исповедывать и не хоронить умиравших стрельцов, раненных при обороне Царицына от восставших (КВ. Т. 2, ч. 1. С. 30).

Характерным выглядит следующий факт из истории московского восстания 1648 г. Толпа не позволила казнить “изменника” Л. С. Плещеева (как нормального члена общества) и сама расправилась с ним: “Одежду его разорвали, а голое тело протащили по площади в грязи... Потом труп бросили в грязь и наступали на него ногами”. Точно так же – толпой – был убит и дьяк Н. И. Чистый, после чего труп его тоже был раздет донага и оставлен на куче навоза (ГВ. С. 56, 61, 70). На мусорную кучу был брошен и труп генерала фон Траубенберга, убитого яицкими казаками во время бунта 1772 г. (Рознер. С. 120).

Сходным образом расправлялись со своими врагами булавинцы. После того как в ночь на 9 октября 1707 г. восставшие разбили сыскной отряд князя Ю. В. Долгорукого, попавшие к ним в руки офицеры были обречены на мучительную и позорную смерть. 10–11 октября казаки в Новоайдарской станице говорили “меж собою, что де князь

Юрья Володимирович Долгорукой от ружья цел, а не убит, и ево де в таборах мучили, и

растенули лошадми, и замучили до смерти, и посадили де в волчью яму; да с ним же де... которые были офицеры и подьячия, побиты ж и посажены де в ту ж волчью яму...” (РГАДА. Ф. 842. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 22). Видимо, сыскной отряд, рыщущий по Дону, в сознании повстанцев ассоциировался с волчьей стаей, потому-то и место для мёртвых “сыщиков” было выбрано, во-первых, “нечистое”, а во-вторых, соответствующее, как виделось булавинцам, внутренней сути незваных пришельцев.

Во всех приведённых примерах поведение восставших подчёркнуто ненормально, “перевёрнуто”. Местоположение трупов, оставленных без погребения, указывает на низость деяний “изменников”. Предать земле их тела, а уж тем более похоронить на кладбище (т. е. на освящённой земле) значило бы признать “человечность” убитых или же осквернить землю кладбища. В средние века умершие неестественной смертью, например самоубийцы и утопленники, хоронились в специальных “выморочных” местах (ров, овраг, окраина деревни и т. д.). Не случайно, следовательно, одним из распространённых способов расправы с “изменниками” было их потопление. Причём в воду бросали часто уже мёртвых врагов (см.: ГВ. С. 106, 135; КВ. Т. 1. С. 165, 183, 210, 252; Т. 2, ч. 2. С. 14–15).

Не признавалось за “изменниками” и право церковного убежища. Так, во время стрелецкого восстания в Москве 1682 г. И. К. Нарышкин был схвачен, хотя прятался в церкви (Соловьёв. Кн. 7. С. 272). Тщетно пытался укрыться от разинцев астраханский воевода, затаившийся в соборной церкви (Записки иностранцев. С. 109).

Таким образом, восставшие считали возможным врывать в храм с оружием в руках ради поимки “изменника”, несмотря на то, что по Соборному уложению 1649 г. подобные действия расценивались как “мятеж” и подлежали смертной казни (гл. 1, ст. 1–4). Однако, что интересно, и представители другого лагеря во время карательных акций позволяли себе аналогичные действия (см., например: Материалы по истории СССР. С. 46).

Участники народных выступлений в России XVII–XVIII вв. к числу своих врагов нередко причисляли иноземцев. В русском простонародном сознании того времени все нехристиане считались пособниками нечистой силы (Берман. С. 175). Причём “нехристями” представляли и христиане неправославного вероисповедания. Соответственно вряд ли стоит удивляться тому, что разинцы верили, будто “убийством иноземца они заслужат награду Божью”. Сам С. Разин отдал приказ

вешать каждого, кто будет просить за иностранца (Записки иностранцев. С. 57–58).

Впрочем, были и другие причины для подобной ксенофобии. Много иноземцев было среди офицеров русской армии, они часто злоупотребляли своим положением, притесняя служилых людей и солдат. Как правило, это и ставили в вину “немцам”-офицерам повстанцы, несущие воинскую службу (см.: Стрейс. С. 208–209; Угол. дела. Ед. хр. 12, ч. 2. Л. 33; Ед. хр. 17. Л. 4). Наконец, в петровское время иностранцам инкриминировалось пагубное влияние на царя и введение “еллинской веры” (см.: Угол. дела. Ед. хр. 12, ч. 1. Л. 14; Ед. хр. 17. Л. 54).

При всём при том и к “немцам” участники народных выступлений подходили избирательно. Например, среди соратников И. Болотникова были “немцы и ливонцы” – наёмники, служившие ранее Лжедмитрию I. Из них повстанческое руководство тех “немцев, которые были доблестные смельчаки”, поставило “ротмистрами и капитанами, также правителями завоёванных городов, так что они из низкого звания высоко поднялись, из солдат стали королями” (Материалы по истории СССР. С. 56).

Ещё один пример. Москвичи в июле 1648 г. говорили немецким офицерам, направляющимся в Кремль для охраны царя: “Вы честные немцы, не делаете нам зла, мы ваши друзья и во веки не намерены совершить вам что-либо злое” (ГВ. С. 69). Можно заключить, что верная служба великому государю делала иноземцев “своими” для восставших.

Кроме того, иногда жизнь сохранялась тем иностранцам, которые оказывали сопротивление восставшим, но могли быть полезными для них в будущем. Например, С. Разин оставил в живых офицера-иностранца, взятого в плен под Чёрным Яром, потому, что тот “умел стрелять из пушек” (КВ. Т. 1. С. 210). В то же время данный факт можно интерпретировать и так: помощь “немца” восставшим, его соучастие в борьбе с врагами самого государя должно было “очистить” иноземца, обелить его в глазах окружающих. Во всяком случае ради правого дела ни С. Разин, ни К. Булавин, ни Е. Пугачёв не считали зазорным заключать союзы с “басурманами” – калмыками, крымскими татарами, ногайцами и другими кочевниками (см.: КВ. Т. 2, ч. 1. С. 109; БВ. С. 166, 363, 368, 369, 450; Документы. № 6–8, 16, 22, 24, 25).

Наконец, повстанцы в живых оставляли и тех иноземцев, о которых окружающие (подчинённые или просто знакомые с ними русские люди) отзывались как о “добрых”. Вот только выбора у оставшихся в

живых не было. Они должны были официально войти в повстанческую организацию и даже внешне стать для восставших “своими” – постричься “в кружок” и носить казацкую одежду (см.: Записки иностранцев. С. 56–57; Крест. война 1773–1775 гг. С. 27).

Из идеологических представлений, характерных для участников массовых вооружённых выступлений “светского” характера, нам осталось рассмотреть лишь те, которые связаны с понятиями “воля” и “свобода”.

Материал для изучения этих представлений нам предоставляют манифесты и указы Е. Пугачёва. На первый взгляд база для выводов довольно узкая, однако с большой долей уверенности мы можем полагать, что представления о “воле” и “свободе”, свойственные пугачёвцам, в значительной степени совпадали с аналогичными воззрениями участников других вооружённых выступлений в России XVII–XVIII вв. Во всяком случае взгляды пугачёвцев можно рассматривать как верхний предел интеллектуальной деятельности народных масс, как высшую точку в развитии их политического сознания (применительно к XVII–XVIII вв., естественно) Следовательно вполне допустимой будет экстраполяция данных, относящихся к концу XVIII вв., на более ранний период – с оговоркой, что ничего более совершенного народная мысль, увы, создать не сумела.

Итак, при изучении пугачёвских манифестов прежде всего бросается в глаза, что понятия “воля” и “свобода”, хотя и тесно связаны, тем не менее отнюдь не совпадают. Кроме того, с их помощью создаются такие словосочетания, которые, по современным представлениям, просто неестественны: к примеру, “свободная вольность”, “всякая вольность” (Документы. С. 34, 37, 43). Наконец, “воля” употребляется лишь в единственном числе, а вот “вольность” может быть и во множественном.

Анализ показывает, что наиболее широким, обобщающим понятием была “воля”. Её понимание пугачёвцами коротко можно определить так: “воля” – это “свобода” плюс “вольность”.

“Свобода” в манифестах Е. Пугачёва понимается главным образом негативно, как антитеза крепостному состоянию. Другими словами, под свободой разумелся процесс освобождения от феодального гнёта, а также результат его. Конкретно “Пётр III” провозглашал избавление трудящихся от крепостной зависимости, феодальных повинностей и самих феодалов, от государственных податей и рекрутчины. Не забывал “император” и об освобождении тюремных сидельцев (Документы. С. 25, 38, 43, 45, 388).

“Вольность” в понимании повстанцев была позитивной характеристикой жизни, она мыслилась как новый жизненный уклад, который должен быть введён монархом после получения “свободы” всеми трудящимися.

Что же это за новый порядок жизни? Во-первых, его можно назвать обществом, где господствует мелкая земельная собственность, где подавлявшее большинство населения работает только на себя и самостоятельно распоряжается своим имуществом, разумеется, при сохранении традиций мирского общежития (см.: Документы. С. 51, № 45; Иванов. С. 229–230).

Во-вторых, для пугачёвцев будущее рисовалось как тишина и покой, т. е. лишённым какой-либо исторической динамики. Так, в манифесте от 31 июня 1774 г. говорится: “По истреблении которых противников и злодеев-дворян, всякой может возчувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатся будет” (цит. по: Чистов. С. 161).

В-третьих, при ближайшем рассмотрении оказывается, что “вольность” в широком смысле представляет собой некую систему из прав, привилегий и высочайших пожалований. Один лишь монарх был способен “учинить во всей России вольность”. При этом получение “вольности” было сопряжено с повышением социального статуса, с установлением особых отношений между получателем и монархом.

Так, в манифесте “Петра III”, обращённом к донским казакам, говорилось, что те из них, которые перешли на службу к “императору”, получили “свободную вольность” (Документы. С. 52). Здесь можно видеть указание на особую близость к монарху, указание на то, что перешедшие на его сторону принадлежат отныне к верхушке общества. И действительно, известно, что донских казаков Е. Пугачёв назначал преимущественно на руководящие посты (см.: Пронштейн–Мининков. С. 332–336).

Конкретные виды пожалований и привилегий назывались “вольностями”. Чаще всего обладание ими подразумевало военную службу государю на правах казака, наличие имущественного достатка и земельных владений. Например, “вечная вольность”, дарованная гарнизону и жителям крепости Рассыпная (манифестом от 24 сентября 1773 г.), раскрывалась как собственность на окрестные реки и леса, как право получать “государево жалованье”, провиант, порох и свинец, а также как обладание чинами и “честью” (Документы. С. 25).

Обратим внимание на пожалование “честью”. В средние века под ней разумели не внутреннее достоинство человека, а некий элемент

социального статуса, воплощённый в отношении к данному человеку окружающих. “Честь”, однако, была не у всякого. Обладание ею было сопряжено с получением наград и знаков милости (“почестей”) от государя, она зависела от степени приближённости к монарху. Таким образом, “честь” в средние века была только у представителей господствующего сословия (Гуревич, 1984. С. 215; Очерки. С. 8–9). Отсюда фраза из манифеста должна читаться как обещание – в обмен на верную службу – вознести сторонников “истинного” государя на самый верх социальной лестницы.

Если обратиться к литературе, посвящённой социально-политическим представлениям народных масс, то окажется, что понимание “воли” и “свободы”, характерное для пугачёвцев, было типологически сходным со взглядами трудящихся в другие периоды российской истории. Трудящиеся вплоть до середины XIX в. мечтали главным образом об освобождении от феодального гнёта и крепостной зависимости, о самостоятельном хозяйствовании на своей земле и уравнивании в правах с высшими сословиями (см.: Литвак. С. 205; Сахаров, 1966. С. 217).

В то же время исследователи отмечают, что, к примеру, крестьянские представления о воле и свободе были своеобразными – ассоциируясь с понятиями общины и обычая, они не распространялись на все категории тяглого населения (ИКЕ. Т. 2. С. 597). Из этого следует

важный вывод: поскольку среди трудящихся было множество прослоек и групп, отличающихся друг от друга своими обычаями и традициями, постольку и взгляды у представителей различных слоёв или регионов, типологически сходные по своей сути, тем не менее могли различаться по своему конкретному содержанию.

Таким образом, нужно изучать не только общее, но и особенное в социально-политических представлениях тех категорий населения, из которых выходили участники вооружённых выступлений протеста. Ибо степень совпадения идеологических представлений прямо влияет на сплочённость и организованность восставших, обуславливает силу или, напротив, слабость выступления.

ЛЕКЦИЯ 6. ИДЕЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЮЗА КАЗАКОВ И ДРУГИХ СЛОЁВ ТРУДЯЩИХСЯ В ХОДЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРОТЕСТА

Поскольку основными движущими силами выступлений социального протеста в России XVII–XVIII вв. были посадские люди, крестьяне и

42

казаки, правомерно поставить вопрос об основаниях и пределах прочности их, так сказать, боевого союза. То, что субидеологические представления казаков и тяглового населения были типологически сходными, нам известно. Теперь необходимо выяснить, насколько совпадали их идеологические представления.

Для этого нужно расширить круг источников, не ограничиваясь лишь материалами по истории социального протеста. Идеологические представления казаков в периоды “мирной” жизни мы будем изучать на основе документальных источников, рассказывающих о жизни Войска Донского в XVII – начале XVIII в., а также на основе произведений казачьего фольклора, записанных не только на Дону, но и в других местах.

Итак, общими факторами, которые влияли на сознание казаков и других слоёв трудящихся (прежде всего крестьян), делая возможным их союз в ходе совместных выступлений, были, на наш взгляд, следующие: 1) зависимость от “сильных мира сего” – придворных, чиновников, феодалов – и ненависть к ним; 2) “наивный монархизм”, т. е. царистские представления, сопряжённые с понятием “измена”; 3) подозрительное отношение к “басурманам” и “немцам”, вытекающее из общности религиозных представлений; 4) постоянная готовность к борьбе с угнетателями вкуче со стремлением к организованности и дисциплинированности в этой борьбе; 5) наделение “воли” чертами казацкой жизни, а также принципиальное согласие тяглых людей подчиняться казакам во время совместных выступлений.

Сразу скажем, что по этим параметрам представления казаков и других слоёв трудящихся совпадали не полностью. И данное обстоятельство приводило к тому, что у союза казачества и тяглового населения были пределы прочности, а именно: возможности для заключения и сохранения такого союза были весьма ограничены.

Во-первых, степень и характер зависимости от власти имущих у казаков и тяглового населения различались кардинально. Хотя жизнь казаков была полна опасностей и невзгод, им всё-таки жилось во много раз легче, нежели крестьянам и посадским людям. Даже страдая от перебоев в доставке “государева жалованья” и не имея возможности свободно ходить за “зипунами”, казаки оставались привилегированным служилым сословием.

К примеру, казачество Дона в XVII–XVIII вв. имело ряд торгово-промышленных привилегий, в частности, пользовалось правом на беспошлинную торговлю военной добычей, безоборочную ловлю рыбы и на разработку соляных месторождений (см.: Пронштейн. С. 104, 112–116).

43

До 1721 г. донские казаки напрямую подчинялись царю, находясь в ведении сначала Посольского приказа, а затем (в 1718–1721 гг.) Иностранной коллегии. Тем самым они ставились на одну доску с иноземными послами и властителями. Приезжая в Москву или Петербург “станицами”, казаки получали “кормовое” и денежное жалование, приглашались на приём к царю, во время которого некоторые из них удостоивались чести поцеловать монарху руку (Сухоруков, 1892. С. 28; Сватиков. С. 112).

Подумать только – вчерашний крепостной, прожив на дону 5–6 лет, став казаком и заслужив право поехать в столицу, мог быть представлен государю! Простому человеку о большем и мечтать было нельзя. Если же кто-либо из феодалов узнавал среди казачьих делегатов своего беглого “человека” и подавал челобитную царю с просьбой вернуть ему беглеца, то подобные обращения, как правило, ни к чему не приводили. “Казачья обыкность”, с которой до начала XVIII в. считался и монарх, не допускала выдачи беглецов прежним господам (см.: ДД. 1700 г. Ед. хр. 15. Л. 3).

Однако в XVIII в. казачество превратилось в замкнутое военно-служилое сословие, попасть в которое беглому тяглицу стало очень трудно. Более того, казаки приобрели право иметь собственных крепостных, реализуя которое превращались в помещиков. Таким образом, казачество из союзников крестьян постепенно превращалось в их антагониста.

Привилегированность казаков обуславливала то, что в их среде ненависть к “боярам” была менее выраженной, чем у крестьян и посадских людей. При этом была угроза того, что для казачества “недобрыми” окажутся совсем другие лица, нежели для тяглых людей.

В своём отношении к представителям господствующего сословия казаки исходили не из общего представления об угнетённых и угнетателях, а из своего конкретного, локального опыта. Как мы помним, разинцы делили бояр на “добрых” и “недобрых”, причём к последним относились те, кто задерживал жалование для донских казаков и не привечал их у себя в доме. Естественно, для крестьян и посадских людей такой подход был чужд, своих врагов они определяли по-другому (если, конечно, не собирались перейти в казачье сословие).

Впрочем, к ненавистным для донских казаков “боярам” причислялись и воеводы близлежащих к Дону городов. В XVII в. казаки часто жаловались в Москву на управителей Воронежа, которые наживались при сборе и отправке на Дон “государева жалования” (Курбатов. С. 62). В 1700 г. “верховые” казаки (живущие по верхнему течению

Дона и его притокам) вели разговоры о том, чтобы разорить Камышин (Дмитриевск), “высылки” (воинские отряды) из которого мешали им грабить на Волге (ДД. 1700 г. Ед. хр. 11. Л. 15).

“Обиды и насилия” от воевод казаки терпели весьма часто. За проезд через Валуйки с казаков вымогались взятки и “подарки” (ДАИ. С. 128–129; Зверев. С. 8; Угол. дела. Ед. хр. 17. Л. 169). Астраханский воевода в 1690 г. отнял “ясырь” (пленных из числа “басурман”) у донских казаков, а четырёх донцов даже посадил в тюрьму (ДД. 1691 г. Ед. хр. 3. Л. 52). Подобные столкновения были у казаков и с управителем Царицына (ДД. 1693 г. Ед. хр. 12. Л. 1, 3, 11–12). В 1689 и 1694 гг. казаки, торговавшие в Тамбове, были вынуждены заплатить пошлины, хотя имели привилегию этого не делать (ДД. 1690 г. Ед. хр. 1; 1695 г. Ед. хр. 1). В 1693 г. романовский воевода посадил в тюрьму казака, приехавшего за своей семьёй по разрешению от царя (ДД. 1693 г. Ед. хр. 3). В том же году оказались под арестом 4 донских казака в Ельце (ДД. 1693 г. Ед. хр. 7).

Постоянное раздражение действиями “бояр” составляло питательную почву для развития и

поддержания в среде казачества бунтарских настроений. Однако эти настроения по своей направленности могли не совпадать с настроениями людей, живущих за пределами Войска Донского. Кроме того, характерной чертой массового сознания казачества было стремление сравняться с дворянами и боярами, стать с ним на один уровень. Это стремление проявлялось как в образах фольклорных героев, так и в повседневном поведении обитателей Дона.

В произведениях устного казацкого творчества очень большое внимание уделяется описаниям одежды героя. Так, наряд Ильи Муромца являет собой шубу и шапку невероятной ценности, “зелен кафтан” или “кафтан разноцветного сукна” с пуговицами из золота или позолоченного серебра (Былины. С. 207; Листопадов. С. 15, № 5; Тумилевич, 1947. С. 25, № 3). Песенный Ермак носит кунью шубу, которой нет цены, сафьяновые сапоги “на босу ногу”, кармазинную (ярко-алую) черкеску и соболью шапку, убранныю жемчугом (ИП. С. 524, 527, 531, № 363; Ермак. С. 71). С. Разин также богато одет: песни упоминают козловые сапоги “на босу ногу”, зелёный кафтан, соболью шубу и кунью шапку (ИП XVII в. № 153, 154, 349). Наконец, богатое (“цветное”) платье мы видим и на Добрыне Никитиче, и на простых казаках, ставших героями песен (Листопадов. С. 25, № 12; ИП XVII в. № 92, 93; Савельев. С. 112).

Подобная увлечённость описаниями роскошных одежд может быть объяснена тем, что благодаря этому доказывается высокий социальный

статус песенных героев, которые ничем не уступают дворянам и боярам, а то и превосходят их. В казачьих песнях упоминается, что “князья-бояре” тоже носят “кармазинное платье” (Пивоваров. С. 67, № 58). Кроме того, постоянное подчёркивание, что герой носит козловые или сафьяновые сапоги “на босу ногу”, имеет целью показать их разношенность, а значит привычность для героя такой обуви, входившей, как известно, в гардероб знатных особ.

Имеются документальные свидетельства о дружеских отношениях между донскими казаками и некоторыми представителями господствующего сословия. Например, в 1688 г. черкасские казаки спасли от смерти сына боярского из Царицына, которого “староверы” хотели казнить. Милосердие казаков объясняется тем, что приговорённый был их приятелем, у которого они часто бывали в гостях (см.: ДАИ. С. 177, 183–184). Был “знакомый” среди казаков и у азовского подьячего “старшей статьи” Н. Иванова, приехавшего на Дон в октябре 1707 г. вместе с отрядом Ю. В. Долгорукого. После разгрома отряда подьячий укрылся от булавинцев именно у приятеля в Новоайдарском городке (см.: РГАДА. Ф. 842. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 21 об.).

Интересно, что Илья Зерщиков, будучи в 1700 г. войсковым атаманом, называл себя в грамотах с отчеством на “-вич” (ПП. Оп. 2. Ед. хр. 923. Л. 11). На “-вич” обращались донские казаки и к откупщику И. Анкудинову, который был “гостем”. Они не отказались отобедать у него, несмотря на то, что конфликтовали с ним из-за земли, бывшей некогда вотчиной тамбовских епископов (ДД, 1706 г. Ед. хр. 30. Л. 31–31 об.).

Следует полагать, что терпимое отношение к власти имущим и феодальным порядкам в целом было характерно не только для казаков Дона, но и для казачества других областей.

К примеру, запорожский гетман Павлюк, подняв в 1637 г. восстание, угрожал жестокими карами лишь тем шляхтичам и магнатам, которые не прекратят издеваться над народом, т. е. слишком злоупотреблять своей властью (см.: Голобуцкий. С. 110). Семён Палей, “казацкий батько” на Правобережной Украине в 80–90-х гг. XVII в., разорял только те имения, владельцы которых излишне жестоко обращались со своими крестьянами (см.: Шутой. С. 128). Таким образом, сам факт феодальной эксплуатации в её “нормальном” варианте возмущения у казаков не вызывал.

Логическим следствием такого отношения к власти имущим было то, что верхушка казачества сама переходила в разряд феодалов.

Правобережной Украине начался уже в конце XVI в. (Маркина. С. 67–68). К XVIII в. казачий строй на Украине представлял собой своеобразную форму феодализма (Мавродин, 1966а. С. 317). Вспомним также, что “вольное” казачество Центра России в 1617–1618 гг. требовало от правительства поместий для “корма”, причём многие отряды, не дожидаясь этого, сами захватывали себе земли “в приставство” (см.: Станиславский. С. 108–110, 113). Наконец, ещё один пример. В Карпове в 1648 г. служил бывший атаман одной из донских станиц. Теперь он числился в городских детях боярских, имея земельный оклад в 250 четей (Чистякова. С. 161), что составляло в тех местах более 600 десятин (см.: Марков. С. 138).

Различия в правовом положении, традициях и повседневном опыте казачества и тяглого населения влияли на то, что и такие сходные черты их сознания, как постоянная готовность к борьбе с угнетателями, стремление к организованности и дисциплинированности в этой борьбе, оказывались скорее препятствием, нежели прочной базой для совместных выступлений.

Например, коллективизм крестьян ограничивался пределами их общины, в лучшем случае – округи. Они, как правило, успокаивались, расправившись со своими непосредственными угнетателями (Буганов–Чистякова. С. 49). Даже в войну 1812 г. “крестьяне начинали вооружаться только тогда, когда неприятель вторгнулся в их округу; они ждали его, стояли наготове, но не искали его, и все их действия вначале были подчинены задаче предохранения данной местности от покушения со стороны иноземцев, а не задаче сосредоточенной борьбы с ними” (Кавтарадзе. С. 12).

Вооружённые выступления посадских людей в XVII–XVIII вв. также не выходили за пределы городской округи, не находя поддержки со стороны крестьянских общин; в лучшем случае к восставшим присоединялись жители соседних городов. Но даже в этом случае действия их оставались изолированными, несогласованными, поскольку различные группы повстанцев решали свои собственные, локальные задачи. Примером может служить история астраханского восстания 1705–1706 гг. Мятежных астраханцев поддержали жители Красного и Чёрного Яра, Терков и Гурьева, однако общих органов управления и каких-либо попыток создать повстанческое войско не было (см.: Голикова, 1975).

В России XVII–XVIII вв. единственной организующей силой, способной связать отдельные выступления протеста воедино и сплотить представителей самих различных слоёв, было казачество. Не случайно именно казаки – люди, обладающие воинской выучкой и широким

кругозором, – сыграли роль застрельщиков и руководителей всех трёх крестьянских войн, наиболее мощных выступлений социального протеста в истории нашей страны.

В то же время казаки участвовали в борьбе лишь до тех пор, пока речь шла о защите их специфических интересов. Достаточно вспомнить о поведении донских казаков – разинских атаманов, которые покинули повстанческое войско под Симбирском в сентябре 1670 г. и вернулись на Дон вместе с раненым С. Разиным.

Если же говорить о механизмах зарождения, возникновения вооружённых выступлений, то в определённом смысле казакам было труднее подняться на восстание, чем тем же крестьянам. Для того чтобы крестьяне поднялись на борьбу, достаточно было санкции “мира” – решения на сходе. Уже оно рождало представление о законности выступления. Что касается, например, донских казаков, то для них решение “станицы” (аналога крестьянской общины) было явно

недостаточным. Чтобы отправиться в поход, необходимо было получить санкцию “Войска” (войсковой администрации), в противном случае выступление расценивалось как “возмущение”, “воровство” или “измена”.

Указанные преступления, между прочим, карались по войсковому праву смертной казнью (Щелкунов. С. 166–168). Смертная казнь предусматривалась и за простое неподчинение распоряжениям из Черкаска, где располагалось “Войско” в узком смысле – войсковой круг, войсковые атаманы и старшины (его помощники и советники).

Теперь мы можем объяснить то обстоятельство, что донские казаки не только не поддержали восстание в Астрахани 1705 г., но и оказались в числе его душителей.

Во-первых, казаков мало трогали мотивы повстанцев, изложенные в “призывном письме” астраханцев на Дон, где последние писали, что их выступление “учинилось за веру христианскую, и за бороды, и за немецкое платье, и за табак...” (Угол. дела. Ед. хр. 17. Л. 4). На Дону по-прежнему разрешалось носить бороду и одежду старого покроя. Во-вторых, важно отметить, что впервые о событиях в Астрахани казаки узнали не из письма восставших, которое было прочитано в Черкасске 25 августа 1705 г., а из послания царицынского воеводы, отправленного 17 августа. Последнее было получено ещё до приезда послов из Астрахани, причём, естественно, представляло восстание в невыгодном для его участников свете.

Получив письмо из Царицына, старшины сразу же созвали войсковой круг, на котором “о том их, астраханских бунтовщиков, злохитром вымысле было у них, казаков. ... крестное целование, чтоб

никто из них, казаков, к тому злому делу не приставал, о чём и во все донские верхние городки к атаманом и казаком посланы... войсковые их письма с жестоким смертным страхом, дабы ис тех верхних казацких городков к тем астраханским и иным... ворами и бунтовщикам не приставали ж...” (Угол. дела. Ед. хр. 17. Л. 163 об.; Кабинет. Л. 48).

Таким образом, воинская организация казаков и их дисциплинированность были использованы казачьей верхушкой для пресечения возможной помощи восставшим. Именно на войсковом атамане Я. Филиппеве и старшинах, принявших затем решение выступить в поход на Астрахань в составе карательных войск, лежит позор и ответственность за эту акцию.

Дисциплинированность влияла даже на религиозность донских казаков. Священник начинал служить на Дону не сразу после того, как получал “ставленную грамоту”, а после того, как ему позволяло “Войско” (см.: ДАИ. С. 130). Судьба “старой веры” была решена лишь тогда, когда в 1688 г. войсковой круг в Черкасске постановил отказаться от неё (ДАИ. С. 137; ДД. 1688 г. Ед. хр. 12. Л. 1).

На всём протяжении XVII–XVIII вв. Донская область сохраняла автономию в церковно-религиозных делах. “Жители её, коль скоро встречали нужду в каком-либо распоряжении епископской власти, обращались не к ней непосредственно, а к своему войсковому начальству с просьбою ходатайствовать, пред кем следует, об удовлетворении их нужд. С другой стороны, никакое распоряжение епископа... не могло быть приведено в исполнение без согласия на то гражданского казачьего начальства” (Правдин. С. 166).

Поскольку религиозность казаков была своеобразна, то и отношение их к “неверным” тоже было своеобразным.

С одной стороны, отношение к “немцам” и “басурманам” у казаков (как и у других слоёв трудящихся) строго отрицательное. Донской фольклор XVII–XVIII вв. под “басурманами” понимает прежде всего татар. Они предстают в образе безжалостных захватчиков, у которых нет иных желаний, кроме как “стоптать”, “сколоть” и взять в плен русского человека (ИП. № 5, 8). Соответственно, обращаться с ними предписывается точно так же, как поступают они: татар

следует топтать, рубить, колоть, захватывать в плен (ИП. С. 56, 63; Листопадов. № 29). Подразумевается, что они не люди, ибо даже земля не принимает кровь “неверных” (Тумилевич, 1947. С. 32).

Раз так, то в борьбе с “басурманами” все средства хороши: можно использовать обман, нарушать данное им слово, как это делает,

к примеру, песенный Ермак, чтобы захватить Казань. Причём он даёт своим соратникам наказ не брать пленных, поскольку “плен донским казакам не надобен” (ИП. № 358, 361; ИП XVII в. № 105). Кстати, и в документальных источниках есть сведения о том, что в определённых случаях казаки убивали пленных, даже детей и женщин. Так они поступили, например, в ноябре 1697 г., после похода на кубанских татар (ДД. 1698 г. Ед. хр. 3. Л. 1–2).

Интересно, что в донском фольклоре выражение “по-турецкому” является синонимом “по-шведскому”, а эпитет “латинский” имеет в качестве синонима “басурманский”. Отсюда следует, что язычники, магометане и христиане неправославного вероисповедания ставятся на одну доску (ИП. С. 114, № 105; ИП XVII в. С. 155, № 156). Подтверждением такому выводу служит следующий пример: в одной из казацких песен жена татарина зовется “паньей” (ИП. С. 70, № 30).

Но раз “немцы” ничем не лучше “басурман”, то и относиться к ним следует соответственно. Исходя из этого становится понятным необъяснимое на первый взгляд поведение казака, находящегося в Польше, который, как сообщает песня, мало того что не платил за угощения в шинке, но ещё и сжёг в лесу “шинкарочку”, поверившую, что он хочет увезти её на Дон (Тумилевич–Полторацкая. С. 29, № 18).

Негативное отношение казаков ко всем неправославным роднит их с крестьянами и посадскими людьми. Разница, однако, в том, что для казачества были привычными постоянные контакты с “неверными”, более того, казаки просто нуждались в этих контактах.

Во-первых, защита российских границ от “басурман” была официальным казачьим долгом. Во-вторых, войны с турками и татарами давали казакам возможность обогатиться и пополнить “войсковую казну”, причём не только благодаря трофеям. Пленных мусульман (“ясырь”) донские казаки использовали в качестве рабочей силы, пока за них не приходил выкуп или же их не обменивали на русских “полоняников”. Правда, с конца XVII в. казаки с обменом и выкупом “ясыря” уже не спешили. Более того, в число донских рабов стали попадать и христиане. К примеру, в 1704 г. донские казаки, прибывшие с полей Северной войны, привезли с собою пленных шведов. С этого времени вплоть до XIX в. на Дону, кроме пленных мусульман, тайно содержались и рабы из “немцев”-христиан (Пронштейн. С. 166–167).

Таким образом, в отношении казаков к “неверным” просматривается и некий утилитарный, практический мотив. Это отношение не было статичным, раз и навсегда заданным. Оно могло меняться, если того требовали специфические интересы казачества или же более высокие

материи – долг перед отечеством и верой предков.

С одной стороны, серьёзная война с “басурманами” была для казаков более привлекательным делом, чем разбойные походы против них на Чёрном море (Краснов, 1881. № 2. С. 146). С другой стороны, бывало и так, что казачество не чуралось обращаться за помощью к “басурманам”. С. Разин от имени Войска Донского заключил союз с калмыками, чтобы идти войной на “украинные города” (КВ. Т. 2, ч. 2. С. 61, 95, 101). В 1675 г. донские казаки подумывали о том, чтобы помириться с Азовом и призвать на помощь крымских татар,

если на Дон придут царские войска (КВ. Т. 3. С. 352).

В союзе о крымским ханом находилась и Запорожская Сечь в начале XVIII в. (Краснов, 1882. № 1. С. 206). Можно полагать, что подобное сближение было нормальным в том случае, когда “басурмане” призывались ради правого дела, участие в котором делало бы их “своими” для казаков. Раскольники на Дону в 1688 г. таким правым делом видели защиту “старой веры”, и ради этого предполагалось призвать на помощь калмыков и другие “орды” (ДАИ. С. 151).

Гибким было отношение казачества и к “немцам”. Не всегда призыв к войне с ними получал горячий отклик в казачьих сердцах. “Нередко, по требованию московского правительства двинуться войску против Литвы и Польши и быть в союзе с Крымом и Турцией, войсковой круг отвечал... отказом быть в союзе с бусурманами против христиан, хотя бы и католического вероисповедания...” (Краснов, 1881. № 1. С. 92).

В истории донского и запорожского казачества были и случаи официальных союзов с Польшей, даже борьбы на её стороне против русских войск. Так, в январе 1610 г. большинство донских казаков, служивших Лжедмитрию II, во главе с атаманом И. М. Заруцким перешли под Смоленском на сторону польских войск. Правда, через 8 месяцев они вернулись к самозванцу. Но в 1612 г. Заруцкий вновь увёл, на этот раз половину, донских казаков к польскому гетману Ходкевичу. Причём эти казаки дрались под Москвой со своими бывшими соратниками, которые входили в состав Второго ополчения (Пронштейн–Мининков. С. 57–60, 63).

В 1616–1618 гг. в составе польских войск действовало “великое русское казацкое войско”, атаманом которого был донской казак Тарас Чёрный. Помимо этого, на стороне поляков было около 20 000 запорожцев (Станиславский. С. 107, 110). Сечевики в 1685 г. помогали Польше в войне с Турцией (ДД. 1686 г. Ед. хр. 6. Л. 5). На службу к польскому королю хотели идти и донские казаки, когда в 1630 г.

не получили жалованья из Москвы (Сватиков. С. 76).

В XVII в. донские казаки часто действовали вопреки политике царского правительства, предпринимая походы против Крыма и Турции тогда, когда Россия находилась в мире с этими странами (Павленко, 1986. С. 64). Бывало и наоборот – пользуясь правом внешних сношений, Войско Донское заключало сепаратные мирные договоры с врагами России, южные границы которой фактически оголялись после этого. Например, в начале XVIII в. турки совершали набеги на Слободскую Украину (на территорию Изюмского полка), однако донские казаки не оказывали своим соседям никакой помощи. Более того, бездействие донцов, соблюдавших мир с турками, было формой мести изюмцам, с которыми у Войска Донского были конфликты из-за спорных угодий (см.: БВ. С. 97).

Таким образом, патриотизм казаков был своеобразным, он заключался в соблюдении их локальных и специфических интересов. В основе же этих интересов лежала забота о своей “малой родине” – той станице, где казак родился и вырос, где он нёс военную службу и границы которой представляли собой границы его мира.

Характерный пример: около 1735 г. казак из Нагаевской станицы попал в плен к татарам, которые предприняли разбойный набег на Дон. Чтобы отвести беду от “своих”, казак направил орду “на Цымлянскую станицу, сказывая, что она-де есть богаче всех прочих” (Котельников. С. 23).

Существенно различались у казаков и крестьян, у казаков и посадских людей представления о “воле” и “свободе”. Дело в том, что ожидание “свободы” для донских казаков не было актуальным, ведь они относились к “служилым людям по прибору” и крепостное право на них не распространялось. Сообразно о этим, представления казачества об идеальном будущем ограничивались понятием “воля”, которое, однако, лишившись такого элемента, как “свобода”, сузилось до размера одних только “вольностей”. Причём “воля” для казаков была не

столько целью, которую надо достичь, сколько традицией, чем-то уже данным. Её не ожидали и не добивались – её просто берегли и охраняли.

Обратимся к произведениям донского фольклора XVII–XVIII вв. В них постоянно подчёркивается, что казаки – “люди вольные”, причём этот эпитет применяется не только к донским, но и всем казакам вообще (ИП. № 337–345, 350–351). По сути дела, происходит отождествление “воли” и казацкой жизни, казацких порядков.

Например, в донских преданиях о Ермаке “волей вольной” и

“вольностью” называется жизнь казаков на Дону, традиции которой освящены авторитетом Ивана Грозного, наградившего казаков за службу теми землями, которые они населяют. При этом “воля” связывается с жизнью не по крепостническим законам, а “по Божьим, по совести”, её характерной чертой, с точки зрения сказителей, является то, что земля поделена “меж народа” (см.: Ермак. С. 21, 24, 42; Тумилевич Т.И. С. 140).

Былины и исторические песни добавляют к портрету казачьей “воли” такие черты, как демократизм военной организации, отличающий казаков от солдат, как возможность “по синю морю гулять, зипунов доставать” (Листопадов. С. 29; ИП XVII в. № 86, 87, 89, 100, 101). Противоположностью казацкой жизни является “неволя”, которая ассоциируется с крепостным правом, зависимостью от феодалов, наличием чиновников и переписями населения (Тумилевич, 1958. С. 192; Тумилевич, 1969. С. 302).

Анализируя исторические песни о восстании К. Булавина, Б. Ф. Любченко пришел к выводу, что под “вольностями” в них подразумеваются “политические свободы, независимость”, а также “преимущества, права, льготы”. Что касается выражения “вольная вольница”, то оно обозначает “административную единицу со специфическим укладом жизни, т. е. территорию войска Донского, не подвластную петровскому самодержавию” (Любченко. С. 240).

Анализ документальных материалов подтверждает, что казаки на самом деле отождествляли свою жизнь с “волей”. Например, в “отписках” и разговорах донских казаков XVII – начала XVIII в. подчёркивалось, что Дон – “река вольная”. Аналогично и обитатели Запорожской Сечи видели себя членами “вольного товариства”. Эти представления покоились на убеждении, что казаки подконтрольны лишь самим себе, что они вольны в случае необходимости поднять восстание в защиту своих прав (см.: Угол. дела. Ед. хр. 12, ч. 7. Л. 49; Сухоруков, 1903. С. 371. прим. 556).

Хотя в стремлении тяглых ладей “показачиться” (стать полноправными казаками) содержалась одна из реальных возможностей для прочного союза всех трудящихся во главе с казачеством, тем не менее реализовать эту возможность было весьма непросто. Дело в том, что массовое “показачение” противоречило интересам самих казаков.

Казаки были детьми своего времени и считали неизбежной систему социального разделения и неравноправия. Они гордились не только тем, что над ними нет господ, но и тем, что они выше тяглых людей. Казаки просто нуждались в том, чтобы кто-то был ниже их, чтобы в

обществе было зависимое население, по сравнению с которым они чувствовали бы себя небожителями.

Так, донские казаки уже во второй половине XVII в. ясно сознавали и считали нормальным, что живут за счёт крестьян, что их жалованье “с миру взято” (ДАИ. С. 179). Хлеб для отправки на Дон собирался по всем “украинным” городам и уездам, причём население Воронежского

края до 1698 г. несло ещё и судовую повинность, сплавливая собранный хлеб в специально построенных для этого стругах (Курбатов. С. 56–62). Впрочем, и сами крестьяне воспринимали такое положение вещей как должное, поскольку казачество официально являлось одним из разрядов “служилых людей по прибору” и соответственно имело право на получение “государева жалованья” таким образом.

Чувство обособленности от податного населения и одновременно превосходства над ним породило целый ряд пословиц, из которых можно привести следующие: “Зипуны у нас серые, зато мы-то бархатные”; “Казака и связанного не заставишь выделывать овчины”; “Руби меня татарская сабля – не бей боярская плеть” (Тумилевич–Полторацкая. С. 99–100, 104). Это же чувство приводит к тому, что во многих донских песнях осуждается С. Разин, который “думу думал” не с полноправными казаками, а с “голытьбой” и “ярыжками кабацкими”. Осуждение подчёркивается тем, что в ряде песен такое же поведение приписывается предателю, перешедшему на сторону турок (ИП XVII в. № 89, 90, 143–145, 161).

Примеры далёких от идиллии отношений между казачеством и, допустим, крестьянством содержатся и в документальных источниках.

В одном из пугачёвских манифестов среди преступлений дворян, за которые те подлежат истреблению, указывалось то, что дворяне “природные казачьи войска хотели разделить в крестьянство” (Документы. С. 52). “Универсалы” С. Палея – предводителя казаков на Правобережной Украине в конце XVII в. – охраняли владения православных монастырей и церковей, принуждая крестьян отдавать им “во всём послушенство”. Те же крестьяне, что были освобождены от крепостной зависимости, должны были, хотя и в небольшом количестве, платить натуральные подати или отбывать воинские повинности в пользу “казацкого войска” (Шутой. С. 128). В первой половине XVIII в. на Левобережной Украине рядовые казаки в союзе со своими старшинами захватывали земли крестьян (Острась. С. 75). В этом же столетии, как мы помним, и другие казачьи области превратились в районы феодально-крепостнического землевладения.

Однако не следует думать, что только побег и “вольная” жизнь

на Дону, Яике или в Сечи противопоставляли беглых крестьян и горожан бывшим собратьям по несчастью. Внутренне готовы были к тому, чтобы вести себя “по-казацки”, и те, кто никуда не убегал, продолжая жить в пределах своего “мира”. Другими словами, человек, мечтающий стать казаком, получив такую возможность, просто-напросто воплощал в жизнь свои представления о том, как подобает вести себя настоящему казаку.

Каков же он был, этот фольклорный кодекс поведения настоящего казака (применительно к взаимоотношениям с тяглым населением)? Ответ на этот вопрос можно найти в источниках по истории крестьянских войн.

Отголосками первой крестьянской войны были действия уже известных нам “вольных казаков”, основную часть которых составляли недавние крестьяне. Новоиспечённые казаки вели себя по отношению к феодально-зависимому населению так, что ни о какой солидарности между ними не могло быть и речи. Например, в 1615–1616 гг. во Владимирском, Суздальском и Шуйском уездах они, убивая помещиков, “отнимали продовольствие у крестьян для своего прокормления” (Станиславский. С. 106). Осенью 1618 г. около 3000 “вольных казаков”, сделав крепость в Вязниках, разделили между собой для прокормления Ярополческую волость и часть Гороховецкого уезда. “Сбор кормов и денег в Ярополческой волости осуществлялся подчас в жестокой форме. Казаки забирали у крестьян больше, чем было необходимо для пропитания и экипировки, а затем продавали за бесценок коров и лошадей разным “закупщикам”. Приезжавшие в Вязники видели на дорогах убитых казаками крестьян”. Кроме того, совершались набеги в соседние волости и уезды, где происходили бои с местными

жителями (Станиславский. С. 113–114).

В 1670 г. в Чернском уезде действовал отряд разинского атамана А. Жидкова, состоявший из беглых крестьян, которые, однако, называли себя “донскими казаками”. Приехав в одну из деревень, восставшие “велели к себе весть хлеб и бараны, – а будет де не повезёте, всех вырубим и деревню выжжем”. Местные крестьяне обозвали приезжих “шишами”, в ответ на это “казаки” убили одного из них и забрали всех лошадей (КВ. Т. 3. С. 128).

Наконец, нужно сравнить царистские воззрения казаков и других слоёв трудящихся. Сразу следует сказать, что “наивный монархизм” у казаков был развит, пожалуй, сильнее, чем у крестьян и жителей посада. И причиной тому – привилегированное положение казачества как замкнутого военно-служилого сословия.

Взять, к примеру, донской фольклор XVII–XVIII вв. В нём царь устойчиво величается “отцом”, “батюшкой”, “батюшкой-надеждой”, “светом” (ИП. № 292–294, 358; ИП XVII в. № 133). Песни зачисляют казаков в царскую свиту, подчёркивают, что Иван Грозный принимал Ермака “за товарища и сажал его возле себя” (ИП. С. 490, 527, 529, № 361). Несмотря на то, что Ермак с товарищами грабил на Волге, убил царского посла, он всё же, совершив ряд подвигов, получает прощение от царя и “придачу” – “Тихий Дон с вершины до устья” (ИП. № 328 и сл.; Ермак. № 12 и сл.).

Уверенность в том, что разбойник может получить прощение, повинившись перед царём и “послужив” ему, характеризует и фольклорные произведения о С. Разине (см.: ИП XVII в. № 161; Якушкин. С. 408). Кстати, такую уверенность разделял и Разин исторический (см.: КВ. Т. 1. С. 145, 149, 155).

В то же время положительное отношение донских казаков к монарху было далеко от слепого обожания. Казачий монархизм подразумевал соблюдение обеими сторонами ряда условий.

Зачастую в песнях казаки самым натуральным образом требуют, добиваются от царя пожалований, причём лишь на том основании, что он жалует “бояр”, а их забывает (ИП. № 291–294; ИП XVII в. № 157). Получается, что казаки рассматривают свою службу монарху как взаимный обмен услугами, как подданство, сопряжённое с обязательным получением даров. Другими словами, они считают себя вассалами царя.

Анализ документальных материалов привёл к такому же выводу и многих исследователей. К примеру, Е. П. Савельев пишет: донское казачество службу московским царям считало “для себя добровольной, из чести – “служим тебе, государю, с травы да с воды”, говаривали казаки...” (Савельев Е.П. С. 20). О том, что на самом деле в XVII – начале XVIII в. донские казаки находились с монархом в отношениях сюзеренитета–вассалитета, говорят и другие историки (см.: Сватиков. С. 77, 113; Мининков. С. 41; Смирнов И.В. С. 10). Таким образом, не случайно тогда возникла поговорка: “На Дону нет царя” (Тумилевич–Полторацкая. С. 102).

Не рабами, но вассалами царя видели себя и запорожцы. В начале XVIII в. они отказались приносить присягу Петру I, усматривая в этом недоверие к ним, но затем согласились присягнуть, поставив условием снесение Каменного Затона (крепости рядом с Сечью) и выдачу им жалованной грамоты на земли по Днепру и Самаре (Краснов, 1882. № 1. С. 207).

Но вернёмся к донским казакам. Они считали территорию Войска

“государевой отчиной”, “старовечной отчиной” царской фамилии (ДД. 1691 г. Ед. хр. 2. Л. 3–4). Однако в их сознании верховным распорядителем на территории Войска Донского была

казацья выборная администрация, по сути дела замещающая собой царя.

Войсковые грамоты и распоряжения начинались словами: “По указу великого государя и по нашему войсковому приговору” (Греков. С. 74). Царские указы были действительны только после того, как с ними ознакомились в “Войске” (Черкасске) и издали соответствующее распоряжение. Любые действия на Дону в соответствии с царским указом, но “без войскового ведома” считались незаконными (см.: ДД. 1704 г. Ед. хр. 5; ДАИ. С. 132, 155).

Таким образом, из всех рассмотренных нами идеологических представлений более всего совпали царистские представления казаков и других слоёв трудящихся (см. стр. 30–32). Но и здесь обнаруживаются важные отличия. Казаки считали себя наиболее приближёнными к монарху и потому полагали, что он должен заботиться прежде всего о них. Они рисовали портрет “истинного” государя по своему образу и подобию. Вспомним о тех проявлениях “диффузного сознания”, которые содержатся в манифестах и указах Е. Пугачёва, написанных яицкими казаками.

В этих воззваниях номенклатура пожалований была однотипной, независимо от того, кому адресовались эти послания – кочевникам, солдатам или крестьянам. Причём пожалования представляли собой льготы и привилегии, которыми в то время или ранее пользовалось казачество. Об освобождении же крестьян от крепостного гнета не говорилось ни слова (см. стр. 30–31 в 1-ой части настоящей работы).

Тем, что “Пётр III” ничего не менял в этих указах, он доказывал казакам свою “истинность”. Но оборотной стороной такой политики было то, что его образ не совпадал с образом идеального государя, хранящимся в сознании крепостных крестьян, которые, как известно, оставались в стороне от выступления на первом его этапе.

Вспомним также и о женитьбе Е. Пугачёва на казачке Устинье Кузнецовой в январе 1774 г. Для яицких казаков этот брак стал ещё одним доказательством того, что к ним явился “настоящий” государь. Недаром ближайшие сподвижники “Петра III” говорили ему: “Ты как женишься, так войско яицкое всё к тебе прилежно будет”. В то же время крестьянские массы осудили этот брак, поскольку они сильно сомневались, чтобы подлинный император женился на женщине простого звания, а кроме того, “Пётр III” женился при “живой” жене (Мавродин, 1966. С. 232).

Итак, мы можем заключить, что “боевой союз” казаков и других слоёв трудящихся в российских условиях XVII–XVIII вв. не мог быть длительным и прочным. Реальными основаниями для такого союза могли быть лишь те идеологические конструкции, которые в равной мере выражали интересы и казаков, и широких масс податного населения, а кроме того, вызывали у тех и других если не одинаковую, то наиболее сходную реакцию. Опыт выступлений социального протеста в XVII–XVIII вв. показывает, что такими конструкциями были только царистские воззрения и, в меньшей мере, представление “воли” в образе казацкой жизни.

События или обстоятельства, каким-то образом, с точки зрения и казаков, и тяглого населения, угрожавшие монарху, служили поводом для совместных выступлений с оружием в руках, а “показачение” широких масс делало эти выступления относительно монолитными и организованными. Редкость же подобных движений объясняется тем, что казакам для активного и массового участия в них было необходимо получить предварительную санкцию от войсковой администрации (как это, к примеру, было накануне восстания К. Булавина) или же, по крайней мере, казаки должны были знать, что официального запрещения на участие в движении социального протеста их начальство не даёт, сохраняя благожелательный нейтралитет (как это было, например, в начале разинского выступления).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апраксин – Донесение Петру I Петра Апраксина (28 апреля 1709) // ТСУАК. Саратов, 1912. Вып. 29.

БВ – Труды Историко-археографического ин-та АН СССР. М., 1935. Т. 12: Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи: Булавинское восстание (1707–1708).

Берман – Берман Б.И. Читатель жития // Художественный язык средневековья. М., 1982.

Буганов, 1969 – Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969.

Буганов–Чистякова – Буганов В.И., Чистякова Е.В. О некоторых вопросах истории второй крестьянской войны в России // ВИ. 1968. № 7.

Былины – Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков. М.; Л., 1960.

Восстание И. Болотникова – Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959.

Восстание 1662 г. – Восстание 1662 г. в Москве: Сборник документов. М., 1964.

Восстание 1682 г. – Восстание в Москве 1682 г. М., 1976.

ГВ – Городские восстания в Московском государстве XVII в. М.; Л., 1936 (сост. К.В. Базилевич).

Голикова, 1973 – Голикова Н.Б. К истории Астраханского восстания 1705–1706 гг. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Голобущий – Голобущий В.А. Запорожская Сечь // ВИ. 1971. № 1.

Горская – Горская Н.А. Тенденции классовой борьбы крестьян в конце XVII в.: На материалах Железноборовского монастыря // ВИ. 1981. № 9.

Греков – Греков А.М. К истории земельного вопроса на Дону, в связи с современным положением и решением его // СОВДСК. Новочеркасск, 1907. Вып. 7.

Гуревич, 1984 – Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Гутнова – Гутнова Е.В. Классовая борьба и общественное сознание крестьянства в средневековой Западной Европе (XI– XV вв.). М., 1984.

ДАИ – Дополнения к Актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12.

ДД – РГАДА. Ф. 111 (Донские дела). Оп. 1.

Документы – Документы ставки Е. И. Пугачёва, повстанческих властей и учреждений: 1773–1774 гг. М., 1975.

Ермак – Ермак легендарный: Донские песни и предания. Ростов н/Д., 1987.

Зверев – Зверев С.Е. Св. Митрофан, первый епископ Воронежский, в борьбе с расколом // ТВУАК. Воронеж, 1902. Вып. 1.

Записки иностранцев – Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Л., 1968.

- ИА – Подъяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. № 6.
- Иванов – Иванов П.В. Мечты трудовых слоёв населения России о желательных им условиях жизни (40–60-е гг. XVIII в.) // Уч. зап. Курского пед. ин-та. 1968. Т. 53, ч. 1.
- ИКЕ – История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. М., 1985. Т. 2.
- Иностр. известия – Иностранные известия о восстании Степана Разина: Материалы и исследования. Л., 1975.
- ИП – Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960.
- ИП XVII в. – Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966.
- Кабинет – РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I). Отделение 1. Оп. 2. Кн. 18, ч. 1.
- Кавтарадзе – Кавтарадзе Г.А. Крестьянский “мир” и царская власть в сознании помещичьих крестьян (конец XVIII в. – 1861 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972.
- КВ – Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1954. Т. 1; 1957. Т. 2, ч. 1; 1959. Т. 2, ч. 2; 1962. Т. 3.
- Козлова – Козлова Н.В. Побег крестьян в России в первой четверти XVIII века. М., 1983.
- Котельников – Котельников Е. Историческое сведение Войска Донского о Верхней Курмоярской станице, составленное из сказаний старожилов и собственных примечаний // ЧОИДР. 1863. Кн. 3.

-
- Краснов, 1881 – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона: От Разина до Булавина // Русская речь. 1881. № 1–3.
- Краснов, 1882 – Краснов Н.И. Исторические очерки Дона: Усмирение Петром Великим Булавинского бунта // Русская речь. 1882. № 1–4.
- Крест. война 1773–1775 гг. – Крестьянская война 1773–1775 гг. в России: Документы из собрания Государственного Исторического музея. М., 1973.
- Курбатов – Курбатов А. Судовая повинность в Воронежском крае в XVII столетии // ИТУАК. 1895. Вып. 39.
- Лебедев, 1934 – Лебедев В.И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934.
- Листопадов – Листопадов А.Н. Донские былины. Ростов н/Д., 1945.
- Литвак – Литвак Б.Г. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971.
- Любченко – Любченко Б.Ф. Лексико-стилистические особенности общественно-административной терминологии в исторических песнях о Булавинском восстании // Материалы XII межвузовской зональной конференции языковедов Среднего и Нижнего Поволжья (20–23 мая 1968 г.): Краткие доклады. Мелекес, 1968.
- Мавродин, 1966 – Мавродин В.В. Крестьянская война 1773–1775 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966.
- Мавродин, 1966а - Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966.
- Мавродин, 1988 – Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988.

Мальцев – Мальцев А.И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском “бунте” 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982.

Маньков – Маньков А.Г. Крестьянская война 1667–1671 гг. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л.; 1966.

Марков – Марков Е.Л. Валы защитной черты по реке Тихой Сосне // ТВУАК. Воронеж, 1904. Вып. 2. Отдел 1.

Масловский – Масловский Д. Северная война: Документы 1705–1708 гг. (Сборник военно-исторических материалов). СПб., 1892. Вып. 1.

Материалы по истории СССР – Материалы по истории СССР: Для семинарских и практических занятий. М., 1989. Вып. 3.

Мининков – Мининков Н.А. Сословно-правовое положение донского казачества в XVII веке // ИСКНЦ ВШ. 1983. № 3.

Острась – Острась Э.С. Использование крестьянами в борьбе за землю обычного и государственного права: На материалах Левобережной Украины второй половины XVII–XVIII веков // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983.

Очерки – Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2.

Павленко, 1986 – Павленко И.И. К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах // Социально-экономическое развитие России. М., 1986.

ПиБ – Письма и бумаги Петра Великого. Пг., 1918. Т. 7, вып. 1; М.; Л., 1946. Т. 7, вып. 2.

Пивоваров – Пивоваров А. Донские казачьи песни. Новочеркасск, 1885.

Плющевский – Плющевский Б.Г. Воздействие отхожих промыслов на социально-психологический склад русского крестьянства // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983.

Покровский, 1982 – Покровский Н.Н. Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII – середины XIX в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982.

Покровский, 1989 – Покровский Н.Н. Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.

ПП – РГАДА. Ф. 371 (Преображенский приказ). Оп. 2.

Правдин – Правдин А.М. Об отношении донских казаков к власти воронежских епископов в период церковной зависимости от воронежской епископской кафедры // Воронежская старина. Воронеж, 1902. Вып. 1.

Пронштейн – Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961.

Пронштейн–Мининков – Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.

- Рознер – Рознер И.Г. Яик перед бурей. М., 1966.
- Румянцева, 1986 – Румянцева В.С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986.
- СА – Недосекин В.И. Новые данные о Булавинском восстании // Советские архивы. 1967. № 3.
- Савельев – Савельев А.М. Сборник донских народных песен. СПб., 1866.
- Савельев Е.П. – Савельев Е.П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем: Историко-статистический очерк. Новочеркасск, 1917.
- Савич – Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. Пермь, 1927.
- Сахаров, 1966 – Сахаров А.Н. Русская деревня XVII в.: По материалам патриаршего хозяйства. М., 1966.
- Сватиков – Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924.
- Сивков – Сивков К.В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31.
- Скрынников – Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988.
- Смирнов И.В. – Смирнов И.В. Век нынешний и век минувший: Диптих к большому переименованию // Знание – сила. 1990. № 12.
- Соловьёв – Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1962. Кн. 7.
- Станиславский – Станиславский А.Л. Казацкое движение 1615–1618 годов // ВИ. 1980. № 1.
- Стрейс – Стрейс Я.Я. Три путешествия. М., 1935.
- Сухоруков, 1892 – Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Новочеркасск, 1892.
- Сухоруков, 1903 – Сухоруков В.Д. Историческое описание земли войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск, 1903.
- Тихомиров – Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.
- Тумилевич, 1947 – Тумилевич Ф.В. Песни казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 1947.
- Тумилевич, 1958 – Тумилевич Ф.В. Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростов н/Д., 1958.

-
- Тумилевич, 1969 – Тумилевич Ф.В. Донской эпос о Разине // Литература Советского Дона. Ростов н/Д., 1969.
- Тумилевич–Полторацкая – Тумилевич Ф.В., Полторацкая М.А. Фольклор Дона. Ростов н/Д., 1941. Сб. 2.
- Тумилевич Т.И. – Тумилевич Т.И. Сибирский поход Ермака // Филологические этюды: Серия “Русская литература”. Ростов н/Д., 1974. Вып. 2.
- Угол. дела – РГАДА. Ф. 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям). Оп. 1.
- Чаев – Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1934.
- Чистов – Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

Чистякова – Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). Воронеж, 1975.

Чумичева – Чумичева О.В. Страницы истории Соловецкого восстания (1666–1676 гг.) // История СССР. 1990. № 1.

Шапиро – Шапиро А.Л. Об исторической роли крестьянских войн XVII–XVIII вв. в России // История СССР. 1965. № 5.

Щелкунов – Щелкунов С.З. Преступления против “войска” по древнему казачьему праву // СОВДСК. Новочеркасск, 1908. Вып. 8.

Якушкин – Якушкин П.И. Сочинения. СПб., 1884.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ВИ – Вопросы истории

ИСКНЦ ВШ – Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы: Общественные науки

ИТУАК – Известия Тамбовской Учёной Архивной Комиссии

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

СОВДСК – Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета

ТВУАК – Труды Воронежской Учёной Архивной Комиссии

ТСУАК – Труды Саратовской Учёной Архивной Комиссии

ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при имп. Московском ун-те

64

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕКЦИЯ 3. Общие замечания о механизмах социального протеста в России XVII–XVIII вв.	3
причины и формы индивидуального протеста	3
механизмы локальных выступлений протеста (уровень отдельного коллектива или социальной группы)	4
механизмы массовых выступлений протеста (уровень регионов и социальных слоёв)	8
психологические факторы участия индивида в вооружённой борьбе	6
идейно-психологические факторы массовости народных выступлений	10
типичные программы действий участников народных выступлений ...	15
роль повода в движениях социального протеста	18
ЛЕКЦИЯ 4. Идеино-психологические основы зарождения “светских” выступлений протеста	19
ожидание “справедливого” решения царя в ответ на поданную	

жалобу	19
слухи о царских указах, облегчающих жизнь народа	21
слухи о том, что монарху угрожает опасность, или о том, что царя нет в живых	25
появление самозванца – “истинного” претендента на трон	26
действия монарха, вызывавшие резкое осуждение в народе	27
ЛЕКЦИЯ 5. Идеология “светских” выступлений протеста	30
отношение восставших к правящему монарху	30
отношение повстанцев к их потенциальным союзникам	32
отношение восставших к врагам	33
представления повстанцев о “воле” и “свободе”	40
ЛЕКЦИЯ 6. Идеино-психологические основания союза казаков и других слоёв трудящихся в ходе выступлений протеста	42
общие факторы, влиявшие на сознание казаков и других слоёв трудящихся	43
характерные черты массового сознания казачества	44
узость идейно-психологической базы для совместных выступлений казаков и других слоёв трудящихся	57
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	59

Редактор Л. В. Тарасова

Технический редактор А. Г. Босюкова

Подписано в печать 6.07.95. Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 3,5.

Тираж 300 экз. Заказ 534.

Тверской государственный университет. Типография.

Адрес университета:

170000, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

ISBN 5–7609–007–2

© Тверской государственный университет, 1995